

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ДЕПАРТАМЕНТ «Х».
КИБЕР-ТЕРРОР

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Департамент «Х». Кибер-террор

«Автор»

2011

Самаров С. В.

Департамент «Х». Кибер-террор / С. В. Самаров — «Автор», 2011 — (Спецназ ГРУ)

В дебрях венесуэльской сельвы великолепно обученные диверсанты из ЦРУ готовят провокацию. Они намерены сорвать поставки новейшего российского оружия в Латинскую Америку и тем самым выставить Россию как «оплот зла», партнера местных наркобаронов. Но секретная российская спецслужба «Департамент «Х» уже направила в Венесуэлу группу своих самых лучших бойцов, обладающих паранормальными способностями. Костяк группы составляют офицеры спецназа ГРУ во главе с подполковником Кирпичниковым. И мало кто из них сомневается в успехе. Срывать американские провокации – это их профиль...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	12
Глава вторая	24
Глава третья	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Самаров

Департамент «Х». Кибер-террор

Пролог

На Волге уже прочно встал лед, и буквально за день-два его занесло толстым рыхлым слоем снега – лыжникам на радость. Правда, почти сразу ударила оттепель, которой в середине декабря никто не ждал; два дня держалась плюсовая температура, временами моросил мелкий дождь и на льду поверх снега образовались лужи. А потом снова резко подморозило, и лед на озере стал слоистым, как гамбургер, и его снова присыпало снегом. Кто ступал на его поверхность, случалось, слышал треск под ногами и пугался, боясь провалиться в воду, но пробивал только снег, покрывавший слой льда.

Смотреть на это было даже забавно, хотя визг испуганных женщин раздражал. Однако человек, стоявший на вмёрзшем в лед причале для лодок, смотрел вовсе не на слегка подвыпившую компанию, что пробовала пройти по льду озера к дому отдыха напрямую через залив. Он смотрел сквозь них, просто мимо, и нисколько не интересовался поведением группы. Это были отдыхающие из дома отдыха, торопившиеся с лесной прогулки на обед. Если они и привлекали внимание мужчины, то только одним: когда же они, наконец, скроются из виду. Потому что любые людские голоса, нарушавшие тишину, сейчас его раздражали. Подполковник спецназа ГРУ в отставке Владимир Алексеевич Кирпичников специально уехал к брату в деревню, чтобы спрятаться от шума и суеты и обдумать как следует свое положение; но неугомонные в своем бездумном веселье люди доставали и здесь.

Деревня, где после выхода на пенсию жил брат, стояла на высоком волжском берегу, с которого открывался великолепный вид на самую Волгу и небольшой заливчик, образовавшийся при впадении в нее другой реки, поменьше, названной, как и многие другие притоки Волги по всему ее течению, Воложка. Зимой в деревне жили только две немолодые семьи – брат Владимира Алексеевича да священник с матерью. Священник принял на себя обет безбрачия и потому жил без своей семьи. Поскольку в деревне еще при царе-батюшке был построен храм, который давно уже начали восстанавливать, официально она называлась не деревней, а селом, но все привычно звали его деревней. Летом здесь, как говорил брат, было довольнолюдно. Пустующие дома за копейки скупили москвичи и понастроили себе на крутом волжском берегу дач, одну уродливее другой. С этих участков допоздна не то что лилась, а рвалась музыка, что в немалой степени раздражало тех, кто приезжал сюда отдохнуть в тишине. Местный священник отец Викентий возмущался этой вакханалией, но в основном в узком кругу, поскольку дачники часто жертвовали на восстановление храма. Больше денег взять было неоткуда. Епархия существенно помочь не могла или не желала, потому что батюшка считался почти опальным за свои разговоры с прихожанами, а местные власти сами едва концы с концами сводили – как, впрочем, и по всей России.

Владимир Алексеевич подождал, надеясь, что визгливая компания все же удалится по льду, но женщинам хруст показался страшным, и отдыхающие двинулись тропой по берегу в обход залива. Значит, должны были пройти мимо отставного подполковника и могли пристать с разговорами. А ему разговаривать ни с кем не хотелось, поэтому Владимир Алексеевич повернулся и стал подниматься по крутой тропе на высокий берег. Несмотря на то, что тропу прокладывали специально и пытались протоптать так, чтобы спуск получился пологим, подниматься все же было тяжело. Впрочем, здоровья Владимиру Алексеевичу еще хватало, и он почти не сбил дыхания, когда подошел к деревянной лестнице из трех шестиметровых пролетов. Вот лестница была и в самом деле крута и опасна, если учесть, что ее никто не чистил; но

подниматься помогали перила, и для физически крепкого человека форсировать эту преграду не составляло большого труда.

На середине лестницы Владимира Алексеевича застал телефонный звонок. Он вытащил трубку и посмотрел на определитель. Номер был незнаком, и потому отставной подполковник несколько секунд думал, прежде чем ответить. Он все же нажал на клавишу, но отозвался непривычно для себя. Раньше он всегда по старой памяти называл звание и фамилию, и это казалось естественным. Сейчас же просто сказал коротко:

– Слушаю...

– Владимир Алексеевич? – спросил незнакомый голос.

Подполковник некоторое время помолчал, потому что не хотел отвлекаться от своих мыслей, а незнакомый голос мог сулить только новые проблемы. Сомневаться в этом не приходилось, поскольку звонков он ни от кого не ждал.

– Я же сказал, что слушаю, – недовольно произнес Кирпичников.

– Я представляюсь. Генерал-лейтенант Апраксин. Зовут меня Виктор Евгеньевич. Поскольку вы в отставке, вам, возможно, будет легче звать меня по имени-отчеству.

– Я еще не совсем забыл свое армейское прошлое, хотя очень стараюсь, товарищ генерал. Потому мне привычнее будет называть вас по званию. Слушаю вас...

Кирпичников хорошо понял этот генеральский ход. Когда называешь человека по званию, тем более, если это звание генеральское, невольно входишь в уставные и в деловые отношения. А если зовешь по имени-отчеству, ситуация сразу смягчается и расслабляет. Но он на это не поддался.

– Я хотел бы встретиться с вами. Есть у меня к вам интересный разговор, Владимир Алексеевич. Для вас лично очень интересный.

– Извините, товарищ генерал, я привык сам определять степень интереса для себя лично. Потому от комментариев и восторгов воздержусь. Разговор, как я понимаю, нетелефонный?

– Естественно, нетелефонный.

– Меня сейчас нет в Москве. И в ближайшие две недели я не планировал возвращаться. Вас устроит встреча недели через две?

– Разговор срочный. Я знаю, где вы находитесь. Я сейчас на другом берегу Волги. До вас мне добираться...

– Если на машине через мост – около двух часов. Дорога сколькая, быстро не проедете. Если на снегоходе через Волгу, то двадцать минут. Но здесь лестница крутая, не для генералов...

– Лестница меня не смутила бы, меня смущает отсутствие снегохода.

– Береговые жители подрабатывают тем, что развозят на снегоходах рыбаков. Если спросите, вам покажут.

– Я все же предпочту машину. Значит, через два часа буду у вас. Где вас найти в деревне?

– Подъезжайте к храму. Это за кладбищем. Другие дороги не чищены, и проехать по ним можно только на «бэтэере». Я услышу шум двигателя и выйду вас встретить. Машина какая?

– «Ленд Крузер».

– Эта проедет. Я жду...

Убрав трубку, Владимир Алексеевич сел на ступеньку и посмотрел на Волгу. Даже с середины лестницы вид открывался такой, что дух захватывало. Наверное, и летом здесь тоже красиво. Даже еще красивее. Повидав на своем веку много привлекательных мест, в том числе и за рубежом, Кирпичников мог оценить по достоинству то, что видел сейчас. При этом человеком он был весьма здравомыслящим и потому понимал, что какому-нибудь жителю Калмыкии простор степей гораздо ближе волжских утесов. Но ему самому для душевного спокойствия нужно было именно это. Удалившись из Москвы от суеты и толкотни, он только здесь, на кру-

том волжском берегу, начал обретать спокойствие. Но его, кажется, опять хотели вытащить из тихой обители. Хорошо бы мягко выйти из положения и оставить за собой право выбора...

Кто такой генерал-лейтенант Апраксин, Владимир Алексеевич не знал. Но всегда лучше выяснить заранее, что за человек жаждет с тобой встретиться. И потому, не думая долго, Кирпичников набрал на трубке номер управления кадров ГРУ. Старый добрый друг и сослуживец полковник Барашков выдержал после вопроса паузу.

– Он, что, и до тебя добрался?

– Добрался, – сознался Владимир Алексеевич. – Вернее, добирается. Через два часа будет у меня. Так что это за субъект?

– Не знаю, – честно признался полковник.

– Но знаешь, что он до кого-то добирается...

– Это знаю. Мы получили приказ давать генерал-лейтенанту Апраксину полную информацию обо всех лицах, интерес к которым он проявит. Ну, естественно, кроме агентуры. Он, правда, не многих «достает», хотя личные дела прошерстил по всем бригадам спецназа. Видимо, и по отставникам, я не в курсе – отставники через меня не проходят... А что ему надо?

– Пока только поговорить. Откуда он?

– Понятия не имею. Приказ о содействии пришел от начальника Генштаба.

– Может, Служба внешней разведки?

– Сомневаюсь.

– ФБР? – пошутил Кирпичников.

– Нет, на ФСБ тоже не похоже, – со знанием дела сказал полковник Барашков. – Я же говорю, что не знаю. Мундир носит общевойсковой. Чаще ходит в «камуфляже», чем в мундире. Больше ничего добавить не могу.

– И на том спасибо.

– Как тебе отдыхается-то?

– Стараюсь. Только не привык отдыхать. Сначала трудно было. Теперь смирился.

– Пора, кажется, и мне готовиться. Сокращение грядет. Похоже, попаду...

– Соболезную. Рекомендую в деревню перебраться. В деревне хорошо.

– Подумаю. Я же сам деревенский. Бывай здоров...

Убрав трубку, Владимир Алексеевич двинулся вверх по лестнице. Она выводила на тропинку между двумя заборами, которая через двадцать шагов заканчивалась у церковных ворот. Оказавшись там, подполковник Кирпичников увидел местного священника отца Викентия Колпакова, разговаривавшего с рабочими, занятыми на реставрации. Летом реставрационные работы в основном велись на улице, где второй год шло восстановление некогда снесенного придела; сейчас какие-то работы велись внутри, и батюшка что-то сердито объяснял рабочим. За ту неделю, что отставной подполковник провел в деревне, он несколько раз беседовал со священником, и беседы эти были долгими. Отец Викентий говорил темпераментно, резко, обличающе, любил призывать к покаянию и грозить скорым пришествием «последних времен», обещанных в Апокалипсисе. Иногда такие темы полностью соответствовали настроению Владимира Алексеевича, и он внимал батюшке с интересом. Сейчас настроения слушать его излишня не было, благо у священника нашлись какие-то свои неотложные дела. Не желая мешать человеку, Владимир Алексеевич пошел в сторону дома брата.

Виктор Алексеевич был на четыре года старше. Хотя он и носил полковничьи погоны, но почти всю жизнь проработал представителем заказчика на оборонном предприятии и, по большому счету, как считал младший брат, мало понимал, что такое настоящая служба. В деревне на берегу Волги Виктор поселился из-за главной своей страсти в жизни – рыбалки, особенно зимней. С женой в последние годы отношения у брата что-то не ладились. Она осталась в городе, присматривала за внуками, а Виктор Алексеевич из деревни почти не выезжал.

Дом был открыт, поскольку закрываться здесь было не от кого. Брат, естественно, ушел по льду куда-то к ему одному известным, уже просверленным во льду лункам, и мог вернуться только к концу дня. Но перед уходом, конечно, как всегда это делал, не забыл протопить печь, и в доме было тепло. Вообще-то дом был старым, с множеством трещин и дыр, и потому топить приходилось и утром, и вечером. Особенно в морозы. Владимир Алексеевич по своему характеру давно бы все утеплить, но Виктора комфорт особо не волновал, и до ремонта у него все руки не доходили. Младший же брат приехал в деревню, как сам планировал, ненадолго.

С крыльца тоже была видна Волга, но только середина реки и противоположный берег, вдоль которого шла автомобильная дорога. Куда-то в ту сторону всегда и ходил старший брат. Впрочем, Владимир, к рыбалке совершенно равнодушный, даже не знал толком, где Виктор пропадает. Необходимости в поиске пока не возникало.

Постояв на крыльце, замирая от вида радующего душу простора, Владимир Алексеевич вздохнул и вошел в дом. Печка была еще горячей, от нее волнами шло приятное тепло. Владимир Алексеевич поставил на электроплитку чайник. Вообще-то, по совету жены брата, он привез ему в подарок нормальный электрочайник. Но оказалось, что старая проводка не переносит такой нагрузки и сразу вылетают «пробки», по старинке заменявшие уже всем привычные автоматы-предохранители.

Подполковник успел уже заварить чай, когда услышал шум двигателя. Это наверняка приехал генерал на своем «Ленд Крузере». Дорога была не рассчитана на такие широкие машины, и потому тяжелый генеральский внедорожник хотя бы одним колесом обязательно должен был уминать сугробы. Владимир Алексеевич набросил на плечи бушлат, с которого давно уже снял погоны, и вышел встречать гостя...

«Ленд Крузер» через сугробы все же пробился. Кирпичников сразу обратил внимание на то, что номер московский, а не военный. Следовательно, машина, скорее всего, личная, если только не приписана к какой-то спецслужбе, которая не желает показывать принадлежность к ней своих сотрудников. О том, что машина личная, говорил и тот факт, что приехал только один человек, причем в гражданском. То есть, если это был генерал-лейтенант Апраксин, он сам находился за рулем.

Такие короткие наблюдения за мелочами были в привычке подполковника Кирпичникова и позволяли ему сразу сделать определенные выводы о характере человека, который хотел с ним поговорить. И выводы эти были скорее в пользу генерала, чем против него. Человек в таком высоком звании не может занимать должность, не позволяющую ему иметь персонального водителя. Наверное, генерал имеет. Но он предпочитает даже по сложной дороге ехать самостоятельно. И в себе уверен, и, вполне вероятно, соблюдает повышенный режим секретности. О том, что он встречается с отставным подполковником спецназа ГРУ, скорее всего, не знал никто.

– Владимир Алексеевич, – полувопросительно-полуутвердительно сказал Апраксин, выходя из машины.

Он, скорее всего, узнал Кирпичникова. Это было видно по глазам. Узнал по фотографиям из личного дела, которые наверняка рассматривал перед встречей. Но все же уточнил, перестраховываясь.

– Так точно. Здравия желаю, товарищ генерал. Как добрались? Дорога держит?

– Скользко. Но у меня машина тяжелая. Если не гнать, то безопасно. Говорить будем в машине, или пригласите меня куда-нибудь?

– Только в дом брата. Больше мне пригласить некуда.

– Нет, нам лучше побеседовать наедине.

– Брат на рыбалке. Дома никого нет. Даже собака за ним увязалась. Он ее свежей рыбкой подкармливает, – Владимир Алексеевич сделал рукой приглашающий жест и первым шагнул на узкую тропинку, разрезавшую сугроб извилистой линией.

– Собаку речной рыбой кормить рискованно, – шагая следом, в спину подполковнику сказал генерал. – У меня дочь своей кошке карасей давала. Кость в стенку желудка воткнулась, и все...

– Эта собака на генетическом уровне знает, как есть рыбу, – возразил Кирпичников. – Ньюфаундленд. Порода, которая когда-то рыбакам сети таскала и одной рыбой питалась. Много веков. Научилась за это время. И разницы не видит, морская рыба или речная. Вчера от жереха один скелет остался. Умеет кости выбрать и выплюнуть, хотя пасть такая, что вся рыбина целиком там уместится.

– Водолаз? – понимающе сказал генерал.

– Это не водолаз. Это ньюфаундленд. Водолаз – это неудачная попытка советских кинологов вывести новую породу. Порода не прижилась. Изначальный материал оказался во всем сильнее искомого. Хорошая кровь ньюфаундленда оказалась непобедимой.

– Вот как, – легко признал свою кинологическую неграмотность генерал.

Дальше шли молча. Генерал ничего не говорил, а подполковнику было неудобно поворачивать голову, чтобы что-то сказать. Тропинка была узкая и скользкая, и требовалось смотреть под ноги, чтобы не упасть.

Дома Владимир Алексеевич показал на вешалку.

– Раздевайтесь. Здесь хорошо натоплено.

Генерал повесил на вешалку дубленку и шапку, а подполковник скользнул взглядом по его костюму. Пистолета в подмышечной кобуре не просматривалось, как и за поясом – ни со спины, ни спереди. Обычно, если пистолет носят под мышкой, сам пиджак предпочитают не застегивать, но постоянно придерживают полы, чтобы не распахнулись. Эта привычка сохраняется даже тогда, когда необходимости прятать оружие нет. Но генерал был, видимо, без ствола, и этим не походил на сотрудников спецслужбы, которые с оружием, как правило, чувствуют себя более уверенно и потому предпочитают не расставаться с ним даже в безопасной обстановке.

– Здесь мы можем беседовать спокойно. Подслушивать нас некому. В доме даже крыс не водится, – усмехнулся Кирпичников. – Могу угостить вас только чаем, товарищ генерал. У моего брата с печенью неладит, он спиртного дома не держит. Я к бутылке равнодушен, и потому припасов тоже не имею. Магазины в деревне нет. За хлебом ездим или ходим в райцентр.

– Я деловые разговоры предпочитаю вести на свежую голову, – ответил генерал.

– Я понимаю, что вы приехали сюда не природой любоваться... Тогда давайте, товарищ генерал, приступим.

Владимир Алексеевич чувствовал приятную вольность при общении с генералом – ведь он не носил уже погоны и мог не слушаться приказа и вообще был с Апраксиным, по сути дела, на равных. По крайней мере, до начала разговора, потому что такого рода встречи, в принципе, иногда могут заканчиваться и плачевно. Подполковнику спецназа ГРУ, участнику многих боевых операций, всегда можно предъявить нечто такое, за что с него можно потребовать определенных услуг. Но это уже специализация, скорее, ФСБ, как раньше на провокациях и шантаже специализировалось КГБ. Генерал-лейтенант Апраксин, кажется, представлял какую-то другую структуру, которая, впрочем, могла оказаться не менее беззащитной.

– Приступим, Владимир Алексеевич... Если у меня правильные данные, на вашем счету четыре командировки в Анголу, две – в Никарагуа и одна – в Сальвадор. Я не ошибаюсь?

– Никак нет, товарищ генерал. Вы не ошибаетесь, если уж вас допустили до этих данных. Апраксин усмехнулся.

– Я даже не спрашиваю, с чего вы взяли, что меня ознакомили с вашим послужным списком. Меня интересует только связанное с вашими командировками знание испанского языка.

– В Анголе, кроме множества местных языков, говорят вообще-то на португальском. Его я знаю хорошо. Испанский – чуть хуже, но не испытываю проблем при общении с испанцами или, скажем, с мексиканцами.

– Я знаю, что в Анголе говорят на португальском. Но португальский и испанский близки...

– Как русский и украинский или как русский и белорусский. Много общих слов, но они часто имеют другое значение. Понять можно, но не всегда. Вообще-то это другой язык, честно говоря. Зная португальский, но еще не изучая испанский, я пытался общаться с испанцами. Трудно было. Пришлось учить.

Владимир Алексеевич не спрашивал, чем вызван такой вопрос Апраксина. И без того было ясно, что генерал объяснит сам, когда наступит необходимый момент. Но объяснять он начал издалека и выбрал при этом не самый удобный путь обходной дипломатии. По крайней мере, подполковник Кирпичников не хотел пускать разговор по такому неприятному для него, хотя и осторожному пути.

– А вы, Владимир Алексеевич, не рано в отставку ушли? Пятьдесят один год для разведчика – это золотой век, – сказал Апраксин. – Опыт накопился солидный. И есть много специфических областей, где его можно с успехом применить. На мой взгляд, вы поторопились.

Кирпичников нахмурился.

– Товарищ генерал, давайте не будем соблюдать взаимную вежливость. Я предпочитаю говорить напрямую, без недомолвок и намеков. Вам прекрасно известно, что не я ушел в отставку, а меня «ушли», как и всю нашу расформированную бригаду. Когда в результате реформ непродуманные эксперименты, извините меня за прямолинейность, дают только вонючие экскременты, как и большинство потуг господина Табуреткина, хорошего ждать не приходится. Хорошего для страны и ее армии, я имею в виду.

Генерал свою ошибку понял и сумел вовремя ее исправить. Он выдержал недолгую паузу, которая потребовалась ему, чтобы четче сформулировать свою мысль, и сказал откровенно и по-военному отчетливо, отделяя слова друг от друга:

– Как офицер офицера, а понимаю вас и полностью разделяю ваши взгляды на ситуацию. Как, думаю, и большинство офицеров России. Тем не менее, присягу мы давали не министру обороны, не президенту или премьер-министру. Мы своей стране ее давали. И на нее мы обижаться не вправе. И именно потому мы еще служим. Не правителям, а стране.

– Простите, товарищ генерал, я сразу не спросил, хотя для продолжения разговора это, я считаю, необходимо: где вы служите?

– Где я служу? На этот вопрос не так легко ответить, поскольку в курс дела вводить можно только человека, давшего согласие на сотрудничество. Но без этого человеку невозможно объяснить, что представляет собой служба, которую ему предлагают. Есть такое новое подразделение. Условное наименование – Департамент «Х». Я являюсь его руководителем и подбираю людей. К сожалению, пока лично – наш департамент еще не располагает большими людскими ресурсами, и потому оперативный состав формирую я сам. Помощникам могу доверить только формирование остальных отделов. В некоторых организационно-административных вопросах я слегка «плаваю».

– Пока ясно только то, что не ясно ничего. Но из всего сказанного я могу сделать вывод, что вы приглашаете меня к себе для прохождения дальнейшей службы? – напрямую спросил Владимир Алексеевич.

– Именно так, – кивнул Апраксин. – Я уже минут десять говорю об этом.

– Я уже десять минут, товарищ генерал, именно так вас и понимаю. При этом понимаю и другое. Если существует условное наименование, не несущее, честно говоря, никакой информации несведущему человеку, существует и действительное наименование, раскрыть которое вы права не имеете. Помимо этого существует еще и весьма специфическая сфера деятельно-

сти, которой призван заниматься Департамент «Х». И без этого аспекта нам никак не обойтись. Не то у меня сейчас состояние духа, чтобы с головой бросаться в омут. Извините, товарищ генерал, но вы сами должны понимать, что вынужденная отставка не могла вызвать у меня вдохновения. А попасть из плохого положения в худшее мне не хочется. И потому «кот в мешке» меня не устраивает.

– В оперативном составе у меня пока числятся три офицера: бывший командир погранзаставы, бывший врач-психотерапевт и бывший офицер вашей службы, старший лейтенант спецназа ГРУ. И с каждым из них мне приходилось вести точно такую же беседу, и точно так же я искал возможность доходчиво – но не выдавая, разумеется, никаких секретов – объяснить им специфику будущей работы.

– Из какой бригады старший лейтенант?

Генерал назвал.

– Я там командира бригады с начальником штаба и одного комбата знаю. Полковник и два подполковника. Старших лейтенантов, даже если и встречались где-то на операциях, что вполне возможно, не помню. Фамилию назвать можете?

– Старший лейтенант Радимов. Звание капитана он получит на днях. Мы его зовем просто Костя. Офицер толковый.

– Нет. Не знаю, к сожалению. Справляется?

– Мы пока провели одну операцию – довольно успешно и с большим резонансом, хотя все наши действия оставались в тени и останутся, надеюсь, навсегда. К вам я обращаюсь не просто потому, что вы, Владимир Алексеевич, боевой офицер с прекрасным послужным списком, выпали по воле случая и недальновидности вашего руководства из системы. У меня есть настоятельная необходимость в специалисте вашего уровня, причем обязательно владеющим испанским языком. Это я вам объясняю, почему выбор пал на вас, а не на других отставников, которых сейчас появилось, к сожалению, множество.

– К сожалению... Армию умышленно лишают самых боеспособных сил.

– Бывали в России времена не менее тяжелые. Если бы она не выстояла, мы бы с вами сейчас не беседовали... Итак, что касается вашей работы. Мы планируем привлечь вас к участию в боевой операции, по сути дела, полностью отвечающей вашему профилю. Это будет операция спецназа, но одновременно и операция Департамента «Х». Это я про характер действий говорю, а не про задействованные силы: участвует только оперативный состав нашего Департамента. Операция будет считаться для вас испытательным сроком. Если все пройдет хорошо, вы автоматически получите следующую звездочку на погоны и возглавите всю оперативную группу. Должностной оклад будет значительным. Я не помню в цифрах, но чуть ли не вдвое больше вашего прежнего. В ходе первой испытательной операции вы, естественно, познакомитесь и с содержанием нашей работы, хотя саму ее к основному виду деятельности можно отнести с большой натяжкой.

– Возможно, я соглашусь, товарищ генерал, – медленно произнося слова и все еще раздумывая, сказал Владимир Алексеевич. – Скорее всего, я соглашусь. Трудно мне без службы. Воспитан я так. Сколько времени вы мне даете на размышление?

– До завтрашнего утра. В десять ноль-ноль я вам позвоню. Если будете согласны, я за вами заеду, и вместе отправимся в Москву. Документы мы сумеем оформить быстро.

Кирпичников с минуту помолчал, разглядывая незамысловатые узоры на клеенке, и решил:

– Можете, товарищ генерал, не звонить. Сразу заезжайте...

Глава первая

Владимир Алексеевич Кирпичников сразу почувствовал некоторый холодок во взгляде майора Старогорова, так и не сменившего свои погоны пограничника ни на какие другие. В принципе, просто по-человечески, подполковник понимал вчерашнего капитана, только день назад ставшего майором. В связи с повышением в звании он вполне мог рассчитывать на то, чтобы официально возглавить оперативную группу, поскольку уже руководил ею в первой и пока единственной операции Департамента «Х». Даже, наверное, уже успел свыкнуться с этой миссией. Тем более что операция была признана удачной. Да и сам подполковник Кирпичников, изучая рапорты участников, не нашел, к чему можно придраться, кроме некоторых мелочей. Но это были именно мелочи, не стоившие внимания. Их вполне можно было отнести к персональному стилю проведения операции. И ожидания Станислава Юрьевича Старогорова были, наверное, вполне обоснованными. А тут откуда-то приходит подполковник то ли в отставке, то ли возвращенный из отставки – и сразу становится во главе группы, даже еще не ознакомившись с общим положением дел. Более того, после разговора с генерал-лейтенантом Апраксиным заявляет, что для успешного проведения следующей операции ему требуется еще несколько спецназовцев. И называет имена одного подполковника и двух майоров, своих сослуживцев, тоже отправленных в отставку в процессе развала армии, названного реформой. А генерал соглашается.

Это уже существенно снижало шансы майора Старогорова когда-нибудь и при каких-нибудь обстоятельствах снова стать командиром группы. А командовать ему, кажется, понравилось. Тот факт, что Кирпичникова пригласили в Департамент «Х» с испытательным сроком, как планировали взять и перечисленных им офицеров, служил слабым утешением. Те же самые условия предложили недавно и самому Старогорову. Но Станислав Юрьевич был человеком военным и умел подчиняться, а личные амбиции предпочитал прятать.

Владимир Алексеевич заметил это и оценил, надеясь, что на их служебных отношениях такая двусмысленная ситуация не скажется. Если группа растет численно, значит, она должна расти и качественно; следовательно, для выполнения более сложных задач требуются и более опытные военные специалисты. Это младшим по званию пришлось принимать ситуацию как данность, и майор Старогоров, кажется, быстро смирился. По крайней мере, на занятиях по боевой подготовке он уже даже стал улыбаться новому командиру, который эти занятия и проводил, желая выяснить, кто чего стоит в обычном для спецназа темповом марше, стрельбе, в силовых упражнениях и в единоборствах. Конечно, в капитане Косте Радимове – тоже, кстати, новоиспеченном – подполковник Кирпичников не сомневался. Все-таки это профессиональный офицер спецназа ГРУ, точно такой же, как он сам. Владимир Алексеевич больше присматривался к бывшему начальнику погранзаставы и особенно к бывшему военному медику, тоже получившему майорские погоны, – Тамаре Васильевне Ставровой. После просмотра личного дела, где было записано, что Тамара Васильевна – обладатель второго дана по карате кёкусинкай, Кирпичников почувствовал легкую настороженность. Он уже многократно сталкивался с каратистами и считал, что они, особенно приверженцы кёкусинкай, имея высокое мнение о себе и своем оваянном легендами стиле, плохо приспособлены к простому армейскому рукопашному бою. Нанести удар ногой и даже иногда рукой могут, но встречный удар рукой в голову сразу остужает их боевой пыл. Это естественные последствия выступлений на татами, где запрещены удары руками в голову. Основатели стиля кёкусинкай хорошо понимали, что удар кулака гораздо эффективнее удара ноги: и резче, и точнее, и от него меньше шансов защититься. И потому хотели обезопасить своих спортсменов. Но в настоящей рукопашной схватке нужны другие навыки. Там допускаются любые удары. Что подполковник сразу

и продемонстрировал Тамаре Васильевне. Блокировав сначала ее маваша-гери¹, потом сейкен-шито-цуки², подполковник маховым ударом локтя с короткой дистанции сразу отправил майора на пол. И хорошо еще, что он, сам оставаясь без защитного шлема, заставил Тамару Васильевну шлем одеть, иначе ходить бы ей потом с синей половиной лица. Но даже через шлем она почувствовала силу удара и от продолжения схватки отказалась. Типичное поведение спортсмена-каратиста.

– Нужно тренироваться в «рукопашке», майор, – строго сказал Владимир Алексеевич. – Радимов! На тебя возлагаю роль наставника. Подготовь майора по общей программе. Только шлем снимать не разрешай – женская голова слегка отличается от мужской.

– Понял, товарищ подполковник, – улыбнулся капитан.

Майор Старогоров в рукопашном бою был слегка получше Ставровой, но тоже имел заметные пробелы в защите. И потому Костя Радимов получил еще одно дополнительное задание.

– Предупреждаю, что навыки рукопашного боя в предстоящей операции проекта «Конкистадор» понадобятся нам всем. Это мое предположение, основанное на изучении доступных материалов, а не прихоть любителя подраться. Поэтому предлагаю форсировать тренировки. Перед занятиями получите у профессора Иванова персональное энергетическое оборудование.

– А что это такое? – спросил Старогоров. – Иван Иванович нашел способ, как нас энергией подпитывать?

– Нет, к сожалению. Но наши специалисты, кажется, нашли способ, как за счет нас подпитывать приборы. Тоже дело хорошее, а то я со своей группой в прошлом году на Кавказе неделю без связи сидел...

Оборудование, испытать которое офицерам оперативной группы предлагалось уже на подготовительном этапе к проведению операции, внешне было достаточно простым. На разных участках тела, где обычно температура бывает более высокой, пластырем крепились контакты-приемники, от которых тонкие провода, также прикрепленные к телу пластырем, тянулись к сравнительно небольшому конденсатору тепловой энергии, уместяющемуся в кармане или в чехле на поясе. Рядом крепился тоже компактный химический генератор, преобразующий тепловую энергию в электрический ток, по замыслу создателей, способный при постоянном использовании обеспечивать подзарядку трубки спутниковой или сотовой связи.

– Самое теплое место на человеческом теле – в паху; извините, Тамара Васильевна, вас это тоже касается. Там устанавливаются наиболее крупные контакты-приемники, – объяснил Иван Иванович Иванов. – Сейчас трубки заряжать не будем, пока носим на себе контрольные приборы. Чем больше физическая нагрузка, тем выше будет температура тела. Значит, вы должны действовать с полной нагрузкой и себя не жалеть. Но при этом соблюдать осторожность, поскольку контрольные приборы хрупкие.

– Я слышал, что при разложении тела тоже много энергии выделяется, – мрачно пошутил майор Старогоров.

– Да, это известный процесс, – невозмутимо ответил профессор. – Однако там должны использоваться другие приборы, только химические, способные на сложные реакции, но они в носке неудобны; кроме того, требуются катализаторы, ускоряющие процесс гниения плоти. Мы эту тему имеем в виду, но пока не разрабатываем, поскольку варианты использования весьма специфические и не отвечают основным требованиям, в частности, не проходят по условиям мобильности.

¹ *Маваша-гери* – круговой удар ногой в карате.

² *Сейкен-шито-цуки* – удар согнутой в локте рукой в живот.

Тамара Васильевна ушла в соседний кабинет, чтобы там прикрепить контакты к своему телу. Офицеры-мужчины друг друга особенно не стеснялись и со своей задачей справились быстро.

– Конкистадоры готовы к выполнению проекта «Конкистадор», – пошутил капитан Радимов.

– Занимайтесь по своей программе, – спокойно предложил Иван Иванович. – Ваш аделантадо снимет показания приборов и даст указания на завтрашние испытания.

– Аделантадой вы, наверное, товарища подполковника величаете? – спросил майор Старогоров. – Красивое имя...

– Это не имя. Аделантадо... Кстати, слово не склоняется. Так в средние века называли командира группы конкистадоров, – показал профессор свою эрудицию.

– Это, конечно, и не должно склоняться, – согласилась, входя в кабинет, Тамара Васильевна. – Попробуйте-ка склонить нашего командира. Он как дуб на земле стоит. Настоящий несклоняемый аделантадо.

– Стараюсь, – Владимир Алексеевич скромно пошевелил крепкими плечами...

Через несколько дней всей группе пришлось срочно пройти через процедуру многочисленных прививок от всякой тропической гадости типа малярии и прочих чисто южных болезней. С прививками торопились еще и потому, что некоторые из них необходимо было через какое-то время повторить. Медсестра зачем-то им объясняла, что и от чего она колет. Наверное, профессиональная привычка, и чтобы самой не забыть. Соотнеся названия заболеваний с названием операции да еще и с возведением подполковника Кирпичникова в экзотическую должность аделантадо, оперативникам нетрудно было догадаться, где будет проходить сама операция. А когда после прививок командир повел группу на занятия по испанскому языку, сомнения и вовсе отпали.

– Помнится, в детстве я горячо мечтал в Латинской Америке побывать, – сказал майор Старогоров. – Каждую книгу из библиотеки, что находил по теме, зачитывал до дыр. Я вообще любил в детстве про путешествия читать.

– Я все же оставляю в живых надежду, что ты из детского возраста вовремя вышел, – заметила майор Ставрова. – Чтобы с тобой не пришлось нянчиться в боевой обстановке, которую нам обещает аделантадо.

– Не переживай, Тамара, я уже книжек вообще не читаю. Времени не хватает.

– И это зря, – серьезно сказал подполковник Кирпичников. – По моему заказу в библиотеке отложили соответствующие книги, я советовал бы загрузить вечернее время чтением. Пока у нас режим не казарменный, можно читать дома.

– Жена возмутится, – возразил майор. – Она постоянно находит, чем меня дома загрузить.

– Это приказ, – спокойно, но категорично сказал Владимир Алексеевич.

Старогорову осталось только развести руки в стороны, показывая свою невозможность возразить. Приказам он привык подчиняться.

– Лучше в библиотеку заглянуть пораньше. Вечером мы будем заняты испытанием спецтехники в реальной обстановке. До реальной обстановки будем опробовать ее во дворе. Выработка навыка.

– В реальной, товарищ подполковник, это как? На Кавказ вылетаем? – спросил капитан Радимов, привыкший считать реальной только боевую обстановку.

– А ты не знаешь, что с благословения правительства и Кавказ, и Памир у нас теперь в каждом доме и в каждом дворе, – нехотя ответил Кирпичников. Но пояснения дал уже более деловым тоном. – Будем вечером милиции помогать, чтобы собственный опыт приобрести. По материалам прошлой операции, насколько я помню, была отмечена отличная работа Тамары Васильевны с джойстиком.

– Ее похвалили заслуженно, – отметил майор Старогоров и с одобрением посмотрел на невозмутимую Тамару, привычно не реагирующую на комплименты в свой адрес.

– И отлично. Вы у нас будете ведущим оператором. Я даже поговорю с генералом, чтобы вам за это доплачивали как специалисту высокой квалификации. Но следует, Тамара Васильевна, и дублера подготовить. Радимов, я вижу, просто рвется в бой. Обучайте его. Здесь джойстик чуть-чуть другой, – подполковник показал свое знание предыдущей операции группы. – Но принцип тот же. Система несложная. Дети справляются успешно.

Кирпичников не стал говорить, что это тоже приказ. Но тон сказанного не позволял усомниться. Новый командир сразу начал с категоричных приказов. Это, впрочем, никого не смутило.

Капитан же Радимов, радостный оттого, что полку спецназовцев его ведомства уже прибыло и еще прибудет, готов был согласиться с тем, что он действительно рвется овладеть джойстиком.

Опробовали оборудование сразу после обеда. В кабинет к оперативной группе зашел руководитель научно-испытательной бригады Владимир Иванович Авсеев, который перед первой операцией обучал группу работе с проекционным оружием. Вообще Авсеев был, как он сам себя называл, не столько научным, сколько передаточным звеном. Он со своими помощниками проводил первоначальные испытания оборудования в кабинетной и полевой обстановке и потом передавал оперативникам для испытаний в боевой. Но перед тем, как провести испытания в «поле» и написать полный отзыв, следовало изучить то, что следует испытывать. В обязанности Владимира Ивановича входили и преподавательские функции.

– Машина готова, господа офицеры, – сказал Владимир Иванович, войдя после приглашения в кабинет. – Можем приступать.

– Мы больше привыкли к форме обращения «товарищи офицеры», – поправил штатского испытателя подполковник Кирпичников. – Так будет лучше.

– Это я от особого расположения, уважительно, – улыбнулся Авсеев, показывая свое прекрасное настроение.

– А зачем машина? – спросил Старогоров. – Мы куда-то едем?

– Летим, – объяснил руководитель научно-испытательной бригады. – Вернее, отправляем машину в полет. Тамара Васильевна, вы готовы взять бразды правления в свои руки?

– Она готова, – ответил за майора Ставрову Владимир Алексеевич. – Мы выходим. Где будем работать?

– На заднем дворе. Как раз время позволяет. Начнем засветло, закончим в темноте. Вам, кажется, требуется опыт именно такой работы?

– Нам требуется опыт работы в любых условиях, – опережая Кирпичникова, сказал Старогоров.

Вышли все вместе. Дверь во двор турникетом оборудована не была, но над входом нависала видеочка камера наблюдения, в которую Авсеев приветливо улыбнулся и махнул рукой. У него был свой ключ от двери. Повернув его в замке, Владимир Иванович сделал шаг назад и снова махнул рукой в объектив камеры. Дверь открылась автоматически, повинувшись нажатии кнопки на пульте охраны здания.

Так называемый задний двор представлял собой и полигон, и склад, и вообще что только не представлял. Осмолов, неизменный помощник и коллега Авсеева, сидел на раскладном стуле перед столиком, на котором стояло нечто, которое группе и предстояло изучить. Рядом располагался джойстик с двумя рукоятками управления, чем-то напоминающий джойстик для управления радиоуправляемыми моделями самолетов или лодок.

– Это ведро вы и называете машиной? – спросил подполковник Кирпичников.

Авсеев с довольной улыбкой кивнул, не ожидая, видимо, другой реакции, и начал объяснять:

– На своем жаргоне мы называем эту штуку не ведром, а «вентилятором», хотя и на обыкновенное ведро она тоже похожа. Поэтому новое название принимаем без обиды, да и упреки должны относиться не в наш адрес, а в адрес инженеров ЦАГИ³ и их дизайнерских способностей. Можно даже уточнить, пользуясь вашим жаргоном и примешивая к нему наш, что это вентилятор в дырявом пластиковом ведре. По большому счету, сия «летающая тарелка» – если уж не ведро – очень похожа на обычный бытовой вентилятор, отсюда и наше жаргонное название. И сам способ установки двигателя тоже вентиляторный, – вернее, он называется осевым вентиляторным. Хотя официально прибор называется БПЛА ВВП. То есть беспилотный летательный аппарат вертикального взлета и посадки.

– Звучит красиво, несмотря на внешнюю неказистость. И что эта штука может? – спросил майор Старогоров.

– Вы тоже, думаю, в Интернет иногда заглядываете, а, может быть, вы вообще чудачки и даже телевизор смотрите. И потому знаете, что сейчас во всем мире идет «бум» беспилотных летательных аппаратов военного назначения. Причем, если интересоваться анализом разработок, не трудно заметить, что основное внимание уделяется беспилотникам самолетного и вертолетного типа с собственной массой, как правило, в пределах ста или даже двухсот килограммов. Для разведывательных полетов это оптимальный вес, хотя и не позволяет нести много аппаратуры. С повышением собственного веса уменьшается количество оборудования, хотя и увеличивается дальность полета и высота. Но оборудование тоже имеет тенденцию к постоянной минимизации физических параметров при улучшении технических свойств.

Таким образом, два процесса движутся один навстречу другому с переменным успехом. Но все же движутся. Тем не менее, это все проекты технически достаточно сложные. И, что тоже немаловажно, затратные и при производстве, и в обслуживании. При некоторых преимуществах, таких, как дальность и высота полета, скоростные характеристики, все же крупные «беспилотники» самолетного и вертолетного типа обладают своими стандартными недостатками. В первую очередь это связано с необходимостью строительства открытых площадок для взлета и посадки, особенно для машин самолетного типа. Есть много неразрешимых пока вопросов, связанных с особенностями аэродинамической компоновки всех беспилотных комплексов, ну и куча других проблем, которые хорошо известны специалистам, а вам они просто ни к чему, поскольку вы с такими аппаратами пока работать не будете. Если придется в дальнейшем, тогда и говорить будем более подробно.

У нашего же аппарата есть множество значительных преимуществ. Говоря честно, они такого же порядка, как преимущества трактора перед паркетным автомобилем среднего уровня стоимости; тем не менее при определенных условиях эксплуатации трактор может оказаться более удобным и эффективным средством передвижения, если перед вами не лежит гладкая и ровная шоссе́нная дорога. Точно так же и наш летательный аппарат. Во-первых, он не требует больших затрат на обслуживание. Ему ни взлетно-посадочная полоса не нужна, ни даже определенной квадратуры площадка. Просто поставил в багажник автомобиля или в кузов, если едешь на грузовике, и он оттуда взлетит, и будет выполнять ваше задание. Багажник легкового автомобиля перед запуском, разумеется, придется все же открыть. Может взлететь прямо с ваших рук, если вам это понравится. Толчок ощущается примерно такой же силы, как от птицы, которую вы выпускаете на свободу. Во-вторых, защита вентилятора легким пластиковым корпусом существенно уменьшает риск повреждения аппарата при столкновении с каким-то предметом, который выпадает из поля зрения оператора. К примеру, «беспилотник» вертолетного типа при наблюдении с малых высот всегда имеет возможность зацепиться винтом за дерево. Наш аппарат от дерева оттолкнется и полетит дальше, хотя оператору придется в этом случае выравнивать курс. Кроме того, на наш аппарат устанавливаются три разноуров-

³ ЦАГИ – Центральный аэрогидродинамический институт.

невых сенсорных пояса защиты. При прикосновении к объекту включается система защиты, и аппарат замирает в воздухе. А в дополнение ставятся мини-радары внешнего наблюдения, подобие автомобильного парктроника. Это позволяет аппарату работать даже в относительно крупных и не очень крупных зданиях, в лесах, среди деревьев, в горных ущельях или в пещерах. Понятно, что «беспилотники» самолетного или вертолетного типа таких возможностей лишены. При этом БПЛА ВВП в состоянии нести до четырех с половиной килограммов полезного груза. Хотя это предельная норма и при полной загрузке аппарат частично теряет свою маневренность. Оптимальная загрузка – около трех килограммов, но при современном уровне электроники это довольно значительное количество приборов различного типа. По крайней мере, мы смогли нагрузить аппарат всем, что желали в него поместить, только на два с небольшим килограмма. При этом подсунули в него даже учебную гранату капсульного типа, которую можно сбросить по команде с земли. Такая граната взрывается от удара о землю. Сам аппарат весит чуть меньше двух килограммов.

– Полетное время? – спросил подполковник Кирпичников.

– Четыре часа.

– Система питания?

– Литиевый аккумулятор. Естественно, сменный. Подзаряжать его вы имеете возможность за счет аппаратуры, которая в настоящий момент установлена у вас на теле. Хотя это достаточно сложный и долгий процесс, и мощности вашего совокупного тепла может не хватить на быструю зарядку, в которой, возможно, будет необходимость. Потому вам будет выдано дополнительное механическое оборудование.

Владимир Алексеевич шагнул к столу, место за которым помощник Авсеева уже уступил Тамаре, и погладил аппарат рукой.

– Хорошее «ведро». Таких бы с десятков в район Северного Кавказа... Помощь в работе была бы существенная.

– Наверное, со временем и там начнут летать, – предположил Владимир Иванович. – Государственные испытания должны быть закончены уже в будущем году. Тогда эти «ведра» начнут поставлять армии и милиции.

– Если вообще будут хоть что-то, кроме новой формы, поставлять для армии, – недобро ухмыльнулся подполковник. – Если у армии денег на «беспилотники» хватит...

Вздыхнул и Авсеев, знавший, наверное, ситуацию не понаслышке.

– Государственные испытания – дело долгое. Мы же обычно обходимся без бюрократической волокиты, потому будем испытывать сейчас. Вернее, уже не испытывать, а обучаться управлению. Тамара Васильевна, вы готовы?

Осмолов, помощник Авсеева, в нескольких словах объяснил майору систему управления. Впрочем, там и объяснять-то было, по сути дела, нечего. Кто хоть раз садился за такой или аналогичный пульт, уже мог с ним справиться легко.

– Я поняла, – кивнула Тамара Васильевна.

– В этом еще одно преимущество нашего «вентилятора», – сказал Авсеев. – Он не требует обслуживания группы специалистов. Достаточно первичных навыков, чтобы управлять такой, казалось бы, сложной техникой. Любой самолет или вертолет-беспилотник ведет целая бригада специалистов. Здесь необходимо иметь только пульт и ноутбук для съема информации. Весь процесс полета обслуживается двумя операторами.

– А какова дальность полета? – поинтересовался капитан Радимов.

– Правильный вопрос, хотя вы, Костя, слегка забегаете вперед. Но я отвечу сразу. Дальность определяется условиями связи. Обычно, если брать наши российские условия, она составляет около десяти километров. Хотя есть реальная возможность увеличить дальность вдвое или даже втрое. Наверное, можно и больше, но мы пока не пробовали. Здесь следует

рассчитать, хватит ли скорости и времени на более длительный полет с тем, чтобы аппарат мог вернуться назад.

– За счет чего дальность увеличивается? – спросил майор Старогоров.

– За счет использования дополнительных «вентиляторов», работающих в качестве функциональных систем обеспечения связи. То есть, несколько «вентиляторов» исполняют роль ретрансляторов, а один производит разведку. Это все вам предстоит освоить, как и установку на «вентилятор» различных функциональных систем. Тамара Васильевна все поняла?

– Вопросов пока нет. Если возникнут, я не постесняюсь спросить.

– Кто сядет за ноутбук?

– Я, – вызвался майор Старогоров.

Осмолов показал, как открывается программа съема информации и какие функции она выполняет. С программой освоиться было даже еще проще, чем с джойстиком управления, поскольку меню все подсказывало и показывало любому, имеющему начальные навыки работы с компьютером. А эти навыки имел каждый.

– Запись информации лучше вести в автоматическом режиме, – подсказал Осмолов. – Компьютер все сделает сам. Ваша задача будет состоять в том, чтобы потом информацию проанализировать и выбрать необходимое. А потом уже перебрасываете ее, куда вам нужно, хоть на CD-диск, хоть на какой-то другой носитель. Особо обращаю внимание на функцию самоуничтожения ноутбука, чтобы по неосторожности ее не активировать. Функция поставлена на случай непредвиденных обстоятельств. При активации сам ноутбук не взрывается, но происходит полное уничтожение жесткого диска без возможности восстановления. Для работы в определенной обстановке, когда есть угроза вскрытия программ, рекомендуется запускать компьютер через пароль, вами лично устанавливаемый. При троекратном неправильном вводе пароля функция самоуничтожения автоматически активируется. Это исключает возможность обычного хакерского взлома паролей.

– А как хакеры пароли взламывают? – поинтересовался Радимов.

– Сами они обычно суперкомпьютеров не имеют, если на государственные органы не работают. Но через сеть подключаются к какому-нибудь суперкомпьютеру – например, к такому метеослужбы. У того мощность и скорость велики, и просчитать все варианты пароля он может за пару минут. Однако после трех попыток, как я уже говорил, на нашем ноутбуке сработает система самоуничтожения жесткого диска.

– Программы секретные? – продолжал спрашивать капитан.

– Нет, хотя и эксклюзивные. Но секретными могут быть данные. И они же покажут интерес группы, которая работала с ноутбуком. Кроме того, программа может дать данные о возможностях нашего «вентилятора». Хотя из них тоже великого секрета не делают. Даже в Интернете были тактико-технические характеристики от разработчиков. Обычно их обнародуют, когда готовят вооружение на продажу за границу. Ваш вариант операции, думаю, направлен на это же.

– Вы о нашей операции пока знаете больше, чем мы, – с ревнивой ноткой заметил майор Старогоров.

– Узнаем и мы в свое время, – сохранил невозмутимость подполковник Кирпичников...

Майор Старогоров с ноутбуком освоился быстро, только на складном стульчике ему сидеть было неудобно, и он отодвинулся от столика, поставив ноутбук себе на колени.

– В полевой обстановке столик не всегда найдется, – сказал Станислав Юрьевич. – Надо привыкать, чтобы с собой мебель не возить.

Ему, впрочем, никто не возражал.

– Запуск! – скомандовал Владимир Иванович.

– Есть запуск, – отозвалась Тамара Васильевна и нажала кнопку «Power».

Слабое жужжание было слышно только в течение десятка секунд, когда двигатель только запускался. Потом звук вообще стал едва заметным и больше походил на шелест ветра в листве. Наверное, разведывательный летательный аппарат так и должен работать.

– Поехали, – раздалась следующая команда Авсеева.

Ставрова легко пошевелила одну ручку джойстика. Даже не пошевелила, а только едва сдвинула на себя пальцем. «Вентилятор» чуть пошатнулся, словно расправлял плечи и пробовал силы, но сразу не взлетел. Майор Ставрова еще чуть-чуть подала рукоятку на себя. И только после этого БПЛА ВВП оторвался от поверхности стола и почти бесшумно пошел вверх. Но едва Тамара Васильевна тронула вторую рукоятку, как летательный аппарат сменил вертикальную линию на отлогую и стал уходить в сторону.

– Запускайте программу! – распорядился Осмолов.

Майор Старогоров несколько раз щелкнул миниатюрной компьютерной «мышью», удобной при работе с ноутбуком, и стоящие за его спиной ученые и офицеры увидели себя сверху и со стороны. Изображение слегка колебалось и «плавало», тем не менее каждый себя узнал.

– Дайте аппарату зависнуть, – потребовал Авсеев.

Ставрова выполнила команду и изображение стало более четким.

– Вибрации корпуса, – объяснил Владимир Иванович. – Они порой мешают изображению. При зависании вибрации сводятся к минимуму. Теперь опробуйте регулировки скорости.

Тамара Васильевна движениями пальцев повернула рукоятку джойстика по оси. «Вентилятор» заметно увеличил скорость.

– Управляйте, уведите его дальше, пусть вокруг здания пролетит. Охрана предупреждена, стрелять не будут.

Ставрова работала безошибочно. Первый круг вокруг административного корпуса совершила еще на небольшой скорости, второй – уже на предельной, хотя предел у аппарата оказался невысоким.

– А быстрее можно? – спросил подполковник Кирпичников.

– К сожалению, мощности «вентилятора» хватает только на это. Если без груза или только с одним модулем связи, он летает намного быстрее. Если на вас, товарищ подполковник, полтора ваших же веса нагрузить, вы тоже быстро не побежите.

Владимир Алексеевич согласно кивнул.

– А дублеру можно опробовать систему? – спросил Радимов.

Тамара Васильевна уступила ему место. «Вентилятор» оказался послушным и капитану; хотя он вел его не так плавно, как Ставрова, но круг прошел сразу на высокой скорости.

– Теперь пробуем столкнуться с препятствиями. Лучше на малой скорости. У нас для этого есть в наличии столбы и два дерева. Начнем, пожалуй, с деревьев. Сначала нужно пролететь между ними, чтобы оценить способности оператора, потом уже от дерева к дереву полетаем. Товарищ майор, активируйте сенсорные устройства, – приказал Осмолов. – И автоматический режим полета тоже. Иначе сенсоры не включатся. Ручное управление при этом автоматическому режиму не противоречит, и только подправляет в случае необходимости.

Старогоров опять зашелкал «мышью»...

Тренировочные занятия с «вентилятором» закончились уже в темноте. Время специально выбиралось так, чтобы освоить инфракрасный режим работы камеры, установленной на БПЛА ВВП. А заодно проверить в действии лазерный дистанционный микрофон. Каждый записал свои разговоры, стараясь произнести фразу подлиннее и покрасочнее. Однако при прослушивании никто не узнавал собственного голоса, хотя голоса собеседников различал хорошо. Всем казалось, что они сами говорят совсем не так, как воспроизводит их речь техника. Вообще-то искажения были достаточно большими, что не могли не признать даже ученые, тем не менее идентифицировать голоса при необходимости было возможно. Для этого требовалось, как объяснил Владимир Иванович Авсеев, сначала прогнать запись через про-

грамму SoundCleaner, а потом протестировать ее в сравнении с другими записями тех же голосов программой EdiTracker. И первая, и вторая программы выпускались санкт-петербургской компанией «Центр речевых технологий» и были доступны для российских спецслужб, впрочем, как и для других пользователей, в том числе, и иностранных. Более того, программы эти были чуть ли не на голову выше всех зарубежных аналогов. Но для тестирования требовался специалист, и потому обучение работе в этих программах с оперативной группой не планировалось.

– И что, аделантадо, – сказал майор Старогоров, выключив ноутбук уже после приземления летательного аппарата, – если я не ошибаюсь, нам было обещано какое-то привязанное к действительности продолжение?

– Было обещано, – подполковник Кирпичников посмотрел на часы. – Машина будет готова через сорок три минуты. Сразу и выезжаем. А пока снимаем показания нательных приборов и докладываем результаты профессору Иванову. Интересно, кто из нас самый горячий?

Оставив Авсева с Осмоловым упаковывать оборудование, оперативники вернулись в здание. Переписав на карточку показания приборов, подполковник Кирпичников отнес ее Ивану Ивановичу и вернулся с сообщением:

– Профессор сказал, что все мы бездельники, совершенно не занимаемся своим телом и не даем ему физических нагрузок. Вследствие этого почти не разогреваются мышцы и выделяют слишком мало тепла. Собранной всеми нами вместе тепловой энергии хватило бы только на то, чтобы наполовину зарядить одну-единственную трубку. Причем больше других постаралась майор Ставрова. Видимо, волновалась, когда «ведро» вокруг здания гоняла. Боялась попасть в окно генеральского кабинета.

– Нет, просто я вообще женщина горячая, – возразила Тамара Васильевна. – Не в смысле темперамента, а в смысле температуры тела. Для меня нормальная температура около тридцати семи градусов. Другие с такой температурой к врачу бегут, а у меня это врожденное.

– Хорошее признание, – улыбнулся майор Старогоров. – Значит, мы можем снять все свои контакты и перевесить на Тамару. Она одна обеспечит всю группу электроэнергией.

– Возможно, это выход, – без улыбки пошутил Владимир Алексеевич. – А то профессор грозился найти нам какие-то химические препараты для согревания отдельных участков тела. Даст еще, чего доброго, хлорку, будем пахнуть, как общественный туалет...

Подполковник посмотрел на часы и произнес уже более монотонно, как обычно отдаются приказы:

– Все. Готовимся. Даю вводную на предстоящую операцию. Генерал подбросил нам работу. Случайное задание. Работать будем на местный отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Проводить испытания, то есть. У милиции есть подозрения, что в одном или нескольких частных домах в ближнем Подмоскowie существует некий подпольный водочный завод, где вкалывают рабы. Водка там выпускается, понятно, без цианида, но примерно того же действия. Наша задача – запустить это «ведро» в нужном месте и передать «обэповцам» данные, которые сможем собрать. Тем самым постараемся обезопасить желудки своих соотечественников от отравы.

– А если кто-то увидит нашу «летающую тарелку»? – спросил капитан Радимов. – Над населенным пунктом такие эксперименты небезопасны... для самой техники.

– На «тарелку» эта штука не сильно похожа, – возразила майор Ставрова. – Скорее, на ступу Бабы Яги. Я бы сама села в эту ступу, но, боюсь, не помещусь. И мощности двигателя не хватит.

– Вы, майор, обладаете высокой самокритичностью, – заметил Владимир Алексеевич. – В какие-то моменты это похвальное качество, но только не в том случае, когда дело касается внешности молодой и довольно симпатичной женщины. В данном конкретном случае попрошу

самокритичность отставить, с Бабой Ягой себя не сравнивать и не искажать, таким образом, истинное лицо нашей группы.

Подполковник имел странную манеру выражаться. Он всегда разговаривал с серьезным выражением лица, но при этом далеко не всегда можно было понять, шутит он или говорит всерьез.

– Задача ясна?

– Так точно.

На звонок внутреннего телефона ответил капитан Радимов. И доложил подполковнику:

– Машина загружена. Авсеев с Осмоловым едут с нами в качестве контролеров, но обещают без необходимости в процесс не вмешиваться. Просто хотят посмотреть, как мы будем работать. Говорят, генерал разрешил.

– Едем...

Группа спускалась с крыльца и уже открылась боковая сдвижная дверца микроавтобуса «Фольксваген», когда подполковнику Кирпичникову позвонила жена.

– Володя, ты домой скоро?

– Думаю, что нескоро. У нас работа в полном разгаре. А что случилось?

– Тут следователь из следственного комитета приехал. Говорит, срочно нужно с тобой поговорить. Просит оставить дела и немедленно приехать. Он ждет. Не московский, издалека приехал. Восемь часов за рулем. Приедешь?

– Это невозможно. Если у следака есть необходимость в срочной беседе, пусть выпишет повестку и оставит. У меня нет восьми часов в запасе, чтобы к нему ехать, и восьми на обратную дорогу, но я могу попросить вертолет. Что у него за срочность такая?

В трубку было слышно, что жена что-то объясняла стоящему рядом с ней следователю, но разобрать слова оказалось невозможно. Наконец жена сообщила:

– Говорит, в деревне, где ты отдыхал, священника застрелили.

– Отца Викентия?!

– Да, иерея Викентия Колпакова.

– Пусть оставит свой номер телефона. Как только освобожусь, я ему позвоню. Сейчас даже поговорить с ним нет возможности. У нас срочная работа. Или... Если у него есть время, пусть дождет меня. Как только закончим, я постараюсь приехать. Не думаю, что дело затянется. Напой его чаем. Если устал, постели ему в моем кабинете. Спроси, будет ждать?

– Будет, если можно. Говорит, дело не терпит отлагательств. Ты, кажется, последний, кто видел священника живым. Очень надеется, что ты кого-то видел или о чем-то говорил с убитым. Попытайся все вспомнить. Он так просит.

– Пусть ждет. Я постараюсь, хотя подозрительного, кажется, ничего не видел, да и сам отец Викентий выглядел вполне обычно. Но я напругу память. Я умею это делать.

...Машина тронулась. За ворота выехали, предъявив на КПП спецпропуск, позволявший покидать территорию без досмотра транспорта. Электронную подпись на этот документ имел право поставить только сам генерал-лейтенант Апраксин или его заместитель по науке. Заместителя по оперативной работе, в ведение которого и должны были бы попасть все офицеры оперативной группы, у Апраксина пока еще не было, а многочисленные кандидатуры со стороны после тщательного рассмотрения генерал отвергал.

Время для поездки было не самым удачным, но выбирали его не сами испытатели и даже не милиционеры, на которых они должны были сейчас сработать, а исключительно обстоятельства. Под вздохи своего водителя долго тянулись среди вереницы машин на внутренней стороне МКАДа; наконец, выскочили на шоссе Энтузиастов, но оно тоже оказалось забитым машинами. Однако вскоре свернули направо и только тогда смогли набрать относительно нормальную скорость.

Впрочем, подполковник Кирпичников, погруженный в свои мысли, кажется, даже не замечал пробок. Слова жены основательно выбили его из рабочего ритма, хотя сделать это было достаточно сложно. По мере приближения к месту встречи с «обэповцами» Кирпичников уже взял себя в руки.

Честно говоря, Владимир Алексеевич плохо знал отца Викентия, и разговаривал с ним всего несколько раз, но, правда, подолгу. Кажется, иерей просто не умел излагать свои мысли кратко, потому что хотел выплеснуть на собеседника все, что у него накопилось в душе. А там много чего накопилось.

– Мы сейчас вот о кризисах все говорим. И финансовый, и нравственный, и любой другой. Но те, кто говорит о кризисах, не упоминают о кризисе самом главном – об информационном. Когда на площади собралась толпа в десять тысяч человек и каждый пытается что-то сказать, никто друг друга не слышит. А слышат только того, у кого в руках микрофон. Это и есть кризис. Кто захватил в свои руки микрофон – то есть, все средства массовой информации – и разговаривает с нами, навязывая свое мнение, тот и устанавливает собственное право на информацию. А нам остается только друг с другом толковать и телевизоры в окно выбрасывать. Я свой выбросил. И многие мои прихожане повыбрасывали. Демонстративно. Чем выше этаж, тем лучше!

Это и было для священника оправданием его манеры говорить торопливо, не останавливаясь. Пытаясь разом высказать все, что наболело в душе и рвалось выплеснуться через край.

В церковь Святого Николая Кирпичников впервые пришел сразу по приезде к брату. Советские застойные времена сказались на здании так же сильно, как и на вере вообще. Храм в свое время был основательно разрушен и перестроен под какие-то местные нужды. Брат как-то сказал, что долгое время там размещался колхозный склад для удобрений. И реставраторам-энтузиастам, тем, кто хотел восстановить храм на высоком волжском берегу, пришлось немало потрудиться, чтобы сделать пригодным для службы хотя бы основную часть, от которой пришлось отрезать добрую четверть для алтаря. Больше его разместить было негде. Старинная алтарная часть помещения была по каким-то причинам снесена. Может быть, колхозу когда-то срочно понадобился хороший кирпич, чтобы построить дом своему председателю. Иначе объяснить снос лишь части здания было сложно.

Тогда, в первый его приход, священника в церкви не было, только несколько рабочих штукатурили стены в небольшом проходе сразу за дверьми. Владимир Алексеевич зашел в храм из любопытства. Церковь выглядела бедной и походила на те многие деревенские храмы, которые годами восстанавливаются своими силами. Своими же силами прихожане делали нехитрую церковную утварь. Но в этой простоте чувствовалось больше душевности и любви, чем в холеных московских церквях.

Вернувшись в дом к брату, который ради приезда последнего своего близкого родственника не пошел, как собирался, на рыбалку, Владимир Алексеевич поинтересовался, когда здесь проходят службы. Оказалось, как во всех деревнях: в субботу вечером – Всенощная, и в воскресенье утром – Божественная литургия. Однажды подполковнику Кирпичникову довелось побывать на службе в одном деревенском храме, когда там не было ни одного прихожанина. Тем не менее, священник с алтарником вели службу, нимало не заботясь о том, сколько человек посетило храм. Примерно такую же картину подполковник ожидал увидеть и здесь. И потому очень удивился, когда в субботу вечером увидел вереницу людей, бредущих от большой дороги, где была автобусная остановка, по едва укатанной колее. Идти так нужно было около четырех километров. Но люди шли большей частью немолодые, причем мужчин было почти столько же, сколько женщин, что тоже не в каждом храме можно встретить.

– В храм, на службу народ собирается, – объяснил младшему брату Виктор Алексеевич.

– Так много приходят?

– И приходят, и приезжают, – подтвердил старший брат.

– В таких диких местах обычно народ на службу не соберешь... Разве что на праздник.
– Наши здешние службы пользуются популярностью. Отец Викентий – личность известная.

– Чем?

– Пообщаешься, сам поймешь. Только саму службу сначала внимательно прослушай.

– Службы все, в принципе, одинаковы...

– Не все, – отрицательно покачал головой старший брат. – Очень даже не все. Эта служба твоему нынешнему настроению полностью будет соответствовать. Уж поверь мне...

Виктор заинтриговал Владимира. И если сначала тот собирался пойти на службу только в воскресенье, то после разговора с братом отправился в храм и в субботу.

Служба была, вроде бы, обычная, и Кирпичников-младший не сразу понял, о чем говорил брат. Только в середине он обратил внимание, что священник, когда читал мирную ектенью⁴ и должен был произносить стандартные слова, приглашая всех молиться за местного архипастыря, за патриарха Московского и Всея Руси, за власти и за воинство российское, не упомянул ни патриарха, ни власти. Вообще-то, как думал сам Владимир Алексеевич, это было нарушением церковных канонов и попахивало вольнодумством. С другой стороны, священник тоже, может быть, имел право на собственное мнение. И выражал он его тем способом, каким умел, какой ему был доступен.

Прихожане, видимо, хорошо знали друг друга, чинно здоровались и при этом настороженно поглядывали на Владимира Алексеевича. Он был здесь чужим, его никто не знал и к нему присматривались. Один только священник отец Викентий уже встречался с подполковником на деревенской улице, хотя и не разговаривал, а только поздоровался, как принято здороваться в деревнях даже с незнакомыми людьми.

Вернувшись после службы в дом брата, Владимир Алексеевич поймал его вопрошающий взгляд. Старший брат нетерпеливо ждал реакции.

– Он что, сильно не уважает патриарха и российскую власть?

– Отец Викентий – резкий радикал. Народ по радикализму соскучился, терпеть негодяев устал, и к нему, видишь, как валит. Ни в одну сельскую церковь так не ходят. Нашему обществу таких радикалов как раз и не хватает, чтобы порядок во власти навести. Во власти всех уровней, в том числе и церковной.

– С ним за это могут и расправиться, – предрек тогда Владимир Алексеевич, не думая, что его слова так скоро сбудутся.

⁴ *Ектенья* (от греческого *ekteneia* – усердие) – молитвенные прошения в православном богослужении. Главные виды: великая, малая, сугубая и просительная. Первые две, так называемые мирные, произносятся священником после возгласа: «Миром Господу помолимся!»

Глава вторая

Около расчищенного от снега поворота во двор частного дома стоял человек и, заведя машину, несколько раз показал рукой, куда свернуть. Сидевший на переднем пассажирском сидении подполковник Кирпичников отвлекся от своих мыслей и глянул на водителя:

– Сюда, похоже?

– Судя по номерам домов, кажется, сюда, – ответил водитель и включил сигнал поворота. – Не на всех домах номера стоят. Да и темно здесь. Но я от угла считал. Там под фонарем номер хорошо видно.

Номер дома, пожалуй, можно было рассмотреть только при свете прожектора, которым микроавтобус Департамента «Х» оборудован не был. Прожектора обычно ставят на внедорожниках или на специализированных микроавтобусах. А специализированный – это уже во всех отношениях заметный. Департамент «Х» же предпочитал находиться «в тени» и ничем не выделяться, даже транспортом.

Встречающий тоже, кажется, выделяться не желал, и потому был в гражданской одежде. Владимир Алексеевич опустил стекло, и водитель притормозил, давая возможность подполковнику задать естественный вопрос:

– Нас встречаете?

– Вы от Апраксина?

Милиционер, видимо, был толковый, и не назвал генерала по званию. Как раз рядом по тротуару проходила группа парней кавказской внешности, по внешнему виду вполне агрессивных, и чем-то даже похожих на своего рода патруль. Им ни к чему было слышать, что здесь кто-то приехал от генерал-лейтенанта. Армейским генералам здесь делать нечего, а если говорят о милицеем генерале, то это могло насторожить. Эти кавказские парни, живущие в одном поселке, всегда повязаны круговой порукой. И если что-то подозрительное заметит даже один, это сразу станет известно всем.

– Да, от Виктора Евгеньевича, – подтвердил подполковник Кирпичников, одобрив про себя такую маскировку. – Все вам привезли, что просили.

Компания кавказцев уже прошла мимо, хотя трое парней несколько раз оборачивались и посматривали за тем, что происходит у них за спиной. «Обэповец» быстро двинулся к воротам, но они раскрылись сами. Гостей здесь ждали, видимо, с нетерпением. Из-за вечных пробок оперативники Кирпичникова опоздали на двенадцать минут. Но такой вариант предусматривался, поэтому они выезжали, рассчитывая на получасовой запас времени. Значит, опоздав незначительно, не опоздали катастрофически.

Во дворе, когда ворота уже закрывались, Владимир Алексеевич первым вышел из машины. Навстречу ему сразу шагнул милицкий подполковник в распахнутом бушлате и протянул руку.

– Васильков, – коротко представился он.

– Меня Владимиром Алексеевичем зовут, – назвал в ответ Кирпичников и пожал руки еще двум сотрудникам, стоявшим за спиной подполковника Василькова. Но те даже не представились и отошли сразу после рукопожатия.

– А я без имени-отчества... Так уж привык. Фамилия мне моя шибко нравится, – улыбнулся подполковник во все свое широкое лицо. – Двор мы от снега расчистили, можете смело устраиваться. И даже в доме атмосферу слегка подогрели. Печка здесь, правда, дырявая, и слегка коптит, но не так, чтобы угореть. Просто легкий запах. Кто погреться захочет, можно в дом.

Милиционер в гражданском, который встречал машину, вынес «переноску» со слабой лампочкой. За машиной свет такой лампочки не будет виден из-за высокого, в человеческий

рост забора. Авсеев с Осмоловым выгрузили из машины коробку с оборудованием, свои неизменные раскладные столик и два стульчика. Лампочку пристроили на шесте, который воткнули в сугроб рядом со столиком и принялись распаковывать оборудование. Кирпичников с одного взгляда определил, что запускать будут новое «ведро». Если первое имело грязно-белый пластиковый корпус, то это было грязно-серого цвета – под ночное небо. Маскировка тоже предусматривалась. А, помимо этого, видимо, первое «ведро» требовало подзарядки аккумулятора.

– А хозяйева где? – спросил, страхуясь, Кирпичников, одновременно прислушиваясь к происходящему в доме и осматривая двор.

– Хозяин у нас в камере закрыт. Уже три недели сидит. Задержание оформили пока на тридцать суток. Он только освободился. «Семейный боксер». Приехал – и за старое. Жена заявку накатала, в райотдел отнесла, а сама с дочкой к сестре во Владимирскую область уехала. Только на суд обещала вернуться, боится дружков его. А мы дружков не боимся. И потому пока дом используем. Где здесь еще устроиться? Тут кавказцы половину домов скупили. На улице работать невозможно. Сразу внимание обратят. Но отсюда тоже много не увидишь. Пока все, чем мы располагаем, – это показания сбежавшего китайца. Самих китайцев в рабы продают тоже китайцы. Одна мафия другой помогает. С китайцами ФСБ разбирается, а мы – с кавказцами. Только пока ничего через забор не увидели.

– Значит, будем смотреть сверху, – уверенно произнесла Тамара Васильевна.

«Ведро» поставили на столик. Осмолов сам включил компьютер и объяснил майору Старогорову, как компьютер и БПЛА ВВП ищут друг друга по единой команде, чтобы установить связь. Майор был человеком сообразительным и схватывал все на лету. Через десять секунд он сообщил:

– Есть связь. Взаимная. Уровень чистоты сигнала сто процентов.

Осмолов только улыбнулся наивности майора.

– Сто процентов – пока они рядом стоят. Во время полета будет двадцать четыре – двадцать шесть процентов. Это обычная норма. В ясную погоду и на чистом воздухе, хотя бы не городском, бывает семьдесят – восемьдесят. Неустойчивой связь считается, если уровень сигнала меньше двадцати процентов. Тогда компьютеру трудно чистить помехи, бывают сбои в изображении. Но в инфракрасном режиме сбоев быть вообще не должно, независимо от уровня сигнала. Там передача идет в цифровом режиме.

– А в обычном режиме? – Капитан Радимов, как уже заметил Владимир Алексеевич, любил задавать вопросы.

– Тоже, в принципе, можно оцифровать, – неуверенно пожал плечами Владимир Иванович, – но сигнал будет стоить в несколько раз дороже. А все оборудование дороже в несколько десятков раз. Если есть возможность обходиться без «цифры», зачем мудрить? Достоинство нашего «вентилятора» еще и в низкой стоимости по сравнению с аналогами.

– Я готова! – доложила майор Ставрова.

– Готов! – в тон ей сказал майор Старогоров, усаживаясь на крыльцо и устраивая ноутбук себе на колени.

– Васильков! – крикнул Владимир Алексеевич в раскрытую дверь. – План района где?

– Несу, – отозвался подполковник и через пару секунд оказался на пороге, в одной руке держа свернутую план-карту, в другой – кружку с дымящимся на холодном воздухе чаем. – Я вам чаек делаю, чтобы не замерзли. Холодать начинает. Уже семнадцать градусов. А днем восемь было. Перепад большой. В такую погоду без чая трудно.

Карту он передал Кирпичникову, а чай отнес Тамаре Васильевне. Она, впрочем, к кружке не притронулась, поскольку обе руки держала на джойстике. Но Радимов, имея пока свободные руки, охотно согласился подменить майора Ставрову в этой приятной процедуре. Владимир Алексеевич чаем не интересовался и сразу зашел в машину, где горел свет. Развернул под лампой карту. Он сразу же нашел дом, в котором они находились. Другая изба – вернее,

три стоящих неподалеку друг от друга строения, обведенные на плане красным карандашом, – очевидно, и были объектом наблюдения. Что сразу и подтвердил палец подполковника Василькова, засунувшего голову и одно плечо в машину и ткнувшего в карту:

– Вот здесь...

– Вижу, – кивнул Кирпичников и заспешил с картой к Тамаре Васильевне, рядом с которой устроился капитан Радимов.

Подполковник сразу положил поверх карты свой компас, чтобы сориентировать Тамару Васильевну в направлении полета. Она благодарно кивнула и чуть-чуть подправила угол наклона карты, чтобы удобнее и точнее ориентироваться.

Авсеев с Осмоловым уже не вмешивались в процесс работы операторов, но наблюдали за ним внимательно, считая, что лучший способ научить плавать – это выбросить человека за борт лодки на середине реки. Майор Ставрова без проблем «поплыла», то есть подняла «вентилятор» и заставила его лететь в нужном направлении. Пару раз в карту все же заглянула, и сразу же после этого бросала взгляд на майора Старогорова, сидящего в стороне. Страховалась и ждала поправки в случае ошибки. Тот монитор ей не показывал, но кивал, давая понять, что Тамара Васильевна ведет БПЛА ВВП правильно.

– Подходим, – в нужный момент сказал Старогоров. – Замедляй полет. Уже над первым забором. Облтай по периметру всю открытую площадку. Пока вижу двадцать метров... Двадцать метров можешь лететь прямо.

За спиной майора Старогорова присели на крыльце подполковники Кирпичников и Васильков, всматриваясь в монитор. Изображение шло в совмещенном режиме, то есть на режим прямой видимости накладывался инфракрасный. Прямая видимость в условиях заснеженного двора все-таки позволяла наблюдать картину, хотя некоторые объекты разобрать было трудно. Например, человека в светлой одежде можно было легко принять за сугроб. Инфракрасный режим такого не позволял, и отчетливо выделял биологически-активные объекты светящимися зелеными точками. Две таких точки замерли около забора. Дополнительное свечение на обычном изображении позволяло предположить, что люди курят.

– Еще двадцать метров можешь лететь тем же курсом, – сказал Старогоров. – Потом будет угол забора.

– Мне так неудобно вести, – пожаловалась майор Ставрова. – Поставь компьютер на столик. Мне нужен монитор видеть.

Старогоров оглянулся через плечо на Кирпичникова, тот кивнул, и майор отнес ноутбук на раскладной столик. Подполковники переместились за спину Тамары Васильевны.

– Поворот направо над забором. Облети периметр, – предложил Станислав.

– Мне командир запретил самой в ступе летать, – холодно возразила Ставрова. – Могу только «вентилятор» направить. Хотя можно попробовать подняться выше, чтобы все разом увидеть.

Только сейчас – видимо, на основе собственного опыта – вмешался Авсеев:

– Бесполезно. При ночной видимости будет работать только инфракрасный режим. Даже забора не будет видно.

– Поняла, – деловито согласилась Тамара Васильевна. – Веду вдоль забора.

Изображение, слегка колеблясь, снова заскользило по словно бы прочерченной на снегу линии. Майор держала «вентилятор» прямо над забором, и в таком ракурсе увидеть его высоту было невозможно. Но возможно было разглядеть большое здание, хотя только с крыши.

– Сарай? – непонятно кого спросил подполковник Кирпичников.

– Скорее, гараж, – на сей раз подсказку дал Осмолов. – Двигатели двух машин еще полностью не остыли и чуть-чуть просвечивают сквозь крышу. Видите?

Свечение было настолько малозаметным, что и здесь без подсказки обойтись было бы трудно. Но такая помощь была только формой передачи опыта и не нарушала процесса самостоятельного обучения.

– Что-то я не понял, – сказал подполковник Васильков. – По плану здесь забор должен быть. Сразу за этим гаражом. В метре.

На план-карту глянули все.

– Сейчас забора нет, – невозмутимо констатировала факт оператор. Убрали. Возможно, присоединили соседний двор. Расширяют свои экономические возможности.

– Дом, – подсказал Старогоров.

– Скорее, домик, – поправил его Кирпичников. – Домик с соседнего участка. С присоединенного. Скупают, что могут. Скоро Москву поясом охватят... Впрочем, в Москве тоже скупают не меньше. Но здесь за ними присмотра нет, а там все же под легким приглядом...

Подполковник Департамента «Х» посмотрел в сторону подполковника милиции, словно адресуя именно ему укор за отсутствие строгого контроля за куплей-продажей участков. Васильков повел плечами, как будто сбрасывал пыль с погон:

– Я ни при чем. Моя сфера – экономическая преступность. В домике никого, кажется, нет?

– Там, кстати, посмотрите, вообще тепла нет, – подполковник Кирпичников снова уставился в монитор. – Даже не топят, видимо. Наверное, сносить думают. И что-то свое хотят построить. Обычно они так делают.

– Летим дальше, – прокомментировала свои действия Тамара Васильевна.

Изображение на мониторе дрогнуло и поплыло.

– Стоп, – сказал молчавший до этого капитан Радимов. – Тамара, возьми на десяток метров правее. Что там такое? И чуть-чуть светится.

Изображение сдвинулось.

– Машина, – сказал Васильков.

– Не машина, а трактор, – уточнил Кирпичников.

– Экскаватор, – поправил Радимов своего командира. – Двигатель еще не остыл. Значит, работал. Что делает экскаватор?

– Ямы роет. Не себе, так другому, – пошутил Васильков.

– Если есть экскаватор, значит, есть строительство. Или котлован под здание копали, или траншею под фундамент. А по времени рабочий день еще только-только заканчивается... Если только у них смена не излишне короткая.

– Проверим сначала периметр, – решил Кирпичников. – Потом будем все подробно рассматривать. Поехали, Тамара Васильевна...

Сканирование участка шло не так быстро, как планировалось первоначально, хотя никаких препятствий пока не возникало. Требовались только тщательность и аккуратность при осмотре каждой детали, чтобы не пропустить что-то важное. Но рядом сидел подполковник Васильков, который был главным заинтересованным лицом. Впрочем, ему была нужна любая информация, даже незначительная мелочь. Поэтому дело затянулось вместо планировавшихся тридцати-сорока минут до середины второго часа ночи.

Владимир Алексеевич, видя, что офицеры группы справляются и без него, невольно возвращался мыслями к разговору с женой. Следовательно, судя по всему, должен был быть оттуда, с берегов Волги, наверное, из райцентра. Любой московский следак привык не просить дать показания, а требовать, и по поводу и без повода демонстрировать свое право подозревать свидетеля в совершении преступления. Это манера вообще многих следователей. По крайней мере, из тех, с кем подполковнику Кирпичникову доводилось встречаться, такими были почти все. А встречаться доводилось не раз. После каждой боевой операции на Северном Кавказе на место происшествия, как правило, выезжала следственная бригада, которая тщательно обследовала

довала место уничтожения бандитов, проводила по возможности опознание и все прочие положенные им действия. При этом следаки с привычным подозрением относились не только к показаниям пленных, если такие были, но и к свидетельствам самих спецназовцев. Власть свою показывали до смешного старательно. Настолько, что хотелось их послать подальше. Следователи были все прикомандированные, чаще всего из Москвы и других мегаполисов. Из небольших городов встречались редко. Эти вели себя, как правило, более скромно, с пониманием разницы в званиях, и от придирок воздерживались.

Убийство священника в Николе-на-Воложке для сельской местности – происшествие чрезвычайное. Слишком тихой была местность, и самые громкие преступления в таких местах, как правило, сводились к краже пары дырявых валенок, выставленных для просушки на забор. И, наверное, даже следователь чувствовал себя неуверенно, когда ему поручили вести это серьезное дело. В принципе, что мог он узнать у Владимира Алексеевича? Хотя... Как оказалось, подполковник Кирпичников был последним, кто видел отца Викентия Колпакова живым.

После нескольких долгих бесед с иереем Владимир Алексеевич проникся к священнику доверием и уважением. Как, впрочем, и сам отец Викентий к собеседнику, зная, где и кем тот служил и как с ним обошлось потом государство. Владимир Алексеевич только брату рассказал, что его приглашают на новую службу. Брат же и посоветовал перед отъездом зайти к отцу Викентию и попросить благословения. Через полтора часа после звонка генерала Апраксина, предупредившего, что он выезжает за подполковником, Владимир Алексеевич попрощался с братом, повесил на плечо сумку с минимумом необходимых вещей и направился в дом иерея. Мать священника, хлопотавшая во дворе по хозяйству, загнала маленькую, но злобную собачку в будку и пригласила подполковника в дом. Но отец Викентий уже сам вышел на крыльцо, собираясь идти в храм. Поздоровались. Священник был не в духе и, кажется, торопился. Вышли со двора.

– Рабочих хочу проверить. Я им в карты играть запрещаю. При мне не играют, а без меня – постоянно. И вечером, и утром, наверное, до работы. Отниму карты, сожгу...

Вагончик на спущенных колесах, в котором жили рабочие, стоял в церковном дворе.

– Я солдатам тоже запрещал, – согласился Владимир Алексеевич. – Азарт не совместим с внутренним спокойствием. А в спецназе без этого воевать невозможно.

– У меня другая причина. Они же церковь реставрируют – и тут же ее оскверняют. Карты – это осквернение православных канонов. Знаете, как они на свет появились?

– Кажется, в Древнем Египте... Как разминка ума для жрецов.

– Это все враки. Так про карты «Таро» говорят, но это тоже враки. История карт началась только в средневековье. И сначала появились игральные карты, а только потом – «Таро» во многих разновидностях; и уж совсем поздно, при Наполеоне, – «Карты мадам Ленорман». А древнее происхождение картам приписывают те, кто на них гадают, чтобы этот мираж выглядел более убедительным. Начинают с обмана, и обманом заканчивают. Но разговор сейчас об игровых картах. В 1492 году Изабелла Кастильская частично вырезала, частично изгнала евреев из Испании. Разрешила остаться в своих домах только тем, кто крестился. Для евреев это было большой трагедией, и они в отместку испанской королеве придумали игральные карты, которые подарили ее умственно отсталому внуку, наследнику престола, якобы для развития мыслительных процессов. Но в картах изначально был заложен смысл поругания христианства. Вся символика карт – это христианская символика, знаки мученичества и смерти Господа нашего Иисуса Христа на кресте. Каждая масть имеет к христианству отношение. Крести, или, как они еще называются, трефы... Треф на еврейском языке того времени, от которого произошел впоследствии идиш, означает «скверный». Знак бубны ни что иное, как символическое изображение четырехугольных шляпок кованых гвоздей, которыми пригвоздили Христа к кресту. Черви обозначают губку, которую пропитывали уксусом, когда пытались напоить Христа Распятого. А пики – это символ копья которым римский воин пробил ребро Иисуса.

Козыри в картах тоже имеют еврейское обозначение. Козырь – это кошерный, то есть, годный только для евреев. Козырь любую карту бьет. Изабелла не поняла значения карт и приняла подарок для внука. Так карты начали странствовать по миру. А теперь ими даже в церковном дворе играют... Не позволю, – сердился отец Викентий. – И ведь люди-то верующие, за копейки работать согласны, перед каждым делом крестятся. А тут – удержаться от заразы не могут...

За этим разговором дошли до церкви как раз в тот момент, когда на дороге показался «Ленд Крузер» генерала Апраксина.

– Кто еще едет? – прищурившись, посмотрел священник в сторону машины.

– Это за мной, – сказал Владимир Алексеевич. – Я как раз и зашел проститься, и благословения попросить. Мне новую службу предлагают. Я согласился. Благословите, батюшка...

Подполковник, как полагается, наклонил голову и скрестил руки перед грудью, правую поверх левой, и ладони сделал чашечкой, в которую, видимо, и должно пролиться благословение.

Батюшка благословил и перекрестил. Его крестящую руку Кирпичников не видел, но только интуитивно угадывал движение...

* * *

– Все, кажется? – спросила Тамара Васильевна, вопросительно посмотрев на подполковника Василькова.

Милиционер сиял так, словно только что вернулся с пляжа в Майами, где слегка перегрелся на солнце. То, что смогла сделать для него бригада испытателей со своим летающим «ведром», не смог бы сделать никто. Так, видимо, казалось Василькову. А Владимир Алексеевич был уверен, что пара толковых офицеров спецназа ГРУ, например, он сам вместе с капитаном Радимовым, смогла бы сделать то же самое. Разница была лишь в том, что летающее «ведро» не оставило следов на снегу, а разведчики не были тенью, и потому следы оставили бы обязательно. Но БПЛА ВВП сделал, по большому счету, настоящее чудо, и Тамара Васильевна – тоже, сумев отыскать большой дом, соединяющий два отдельных двора. Чуда грех было не признать. Особенно удачно прошла завершающая часть разведывательного полета, когда майор Ставрова опустила управляемый аппарат почти до земли, при этом сумела из вертикального положения перевести его в горизонтальное и заставила замереть именно так. Подобную возможность «вентилятора» не знали даже Авсеев с Осмоловым, и потому в напряжении встали за плечами майора Старогорова, чтобы видеть все, что показывал монитор. Но Тамара Васильевна попыталась, и у нее получилось. Сначала она попробовала заставить «вентилятор» зависнуть в таком положении на большой высоте, а потом спустилась на малую, и там повернула прибор прямо против светящегося окна дома. Штор на окнах помещения, из жилого превратившегося в производственное, естественно, никто не предусмотрел. И это было на руку милиционерам. Они сами смогли увидеть, как идет работа на предприятии, которое трудно было бы назвать водочным заводом, поскольку водку там не производили, а только разливали, разбавляя технический спирт водой из-под крана. А потом ручными аппаратами ставили пробки и наклеивали красочные фирменные этикетки и даже, как удалось рассмотреть, акцизные марки.

– Вы нам все сделали. Теперь можно брать... Запись, кстати, велась?

– Обязательно, – гарантировал майор Старогоров.

– Значит, я вызываю бригаду ОМОНа. Спасибо вам, большое дело сделали...

Действия майора Ставровой были оценены по достоинству, поскольку именно она смогла выкрутиться из ситуации, когда на летательный аппарат было установлено только две камеры – простая и инфракрасная, и обе работали в режиме вертикального показа. Поставить камеру на

горизонтальный показ испытатели изначально не догадались, а оказалось, что это и не нужно. БПЛА ВВП умел обходиться и малыми силами.

Подполковник Васильков встал, вытащил телефон из кармана и отошел в сторону, чтобы позвонить, когда в калитку громко и требовательно постучали.

– Хозяева! – раздался молодой голос с сильным кавказским акцентом. – Открывай...

Испытатели переглянулись и стали быстро упаковывать свое оборудование. Только одна Тамара Васильевна, передав джойстик в руки Владимиру Ивановичу Авсееву, пошла было к калитке, но подполковник Кирпичников остановил ее, ухватив за локоть.

– Я умею с ними разговаривать, – тихо прошептала майор Ставрова.

– Гипноз? – спросил Владимир Алексеевич.

Он читал отчет о первой операции группы, когда Тамара Васильевна в костюме цыганки с помощью гипноза сняла два поста боевиков на дороге. Но здесь ситуация была другой. Сам костюм цыганки готовил боевиков к тому, чтобы быть загипнотизированными. Армейский камуфляж же будет направлять волю в другую сторону.

– Антуража нет, – предположил Кирпичников. – Может не получиться.

– Я попробую, – настаивала Ставрова.

В калитку постучали снова. Еще более сильно и требовательно. И раздались какие-то голоса. Разговаривали не по-русски. Но, по крайней мере, можно было выделить не менее трех голосов. Васильков посмотрел на Кирпичникова, словно спрашивая совета. Остальные милиционеры смотрели на Василькова. Кирпичников выпустил рукав майора Ставровой и согласно кивнул, одновременно другой рукой делая знак подполковнику, чтобы тот зашел за машину.

Тамара Васильевна шагнула к калитке и на ходу спросила:

– Кто там? Что нужно?

– Открывай, говорить будем, – голос из-за калитки звучал требовательно и нагло. – Мне что, калитку вышибать? Мне недолго...

Кирпичников и Радимов шагнули следом за Ставровой, а Старогоров помогал загрузить оборудование в машину. Похоже было, что разговор не предвещает ничего хорошего, хотя и непонятно было, как кавказцы могли разглядеть в темноте полет БПЛА ВВП. Сразу по завершении погрузки водитель микроавтобуса сел за руль, готовый к любому повороту событий.

Милиционеры в гражданском приготовили оружие. У оперативников Департамента «Х» такового с собой не было, но подполковник с капитаном сами по себе являлись оружием, хотя противник этого знать не мог, и это для него было наиболее опасным.

Тамара Васильевна не успела открыть дверь. Били, видимо, ногой, а легкая задвижка не выдержала бы и простого напора плечом. Калитка резко распахнулась, майор Ставрова резко отступила, поскользнулась и упала под ноги капитану Радимову, который только успел подхватить ее за плечи. Но вскочила она сразу.

– Что тут армия делает? – спросил один из трех еще достаточно молодых кавказцев, что шагнули во двор.

За их спиной стояла еще достаточно большая группа.

– Выйди, сынок, постучи и спроси разрешения у женщины войти, – спокойно сказал подполковник Кирпичников.

– Что, женщиной прикрываетесь? – парень ухмыльнулся, очень довольный собой.

– Мы никем не прикрываемся. Женщина пошла открыть калитку. А привычка прикрываться женщинами и детьми – это, насколько я помню, старая привычка кавказцев.

– Не ври! – начал горячиться парень. – У нас на Кавказе так не делают!

– Я сам много раз это наблюдал, – спокойно сказал подполковник.

– Это только чеченцы, – сказал кто-то из-за калитки.

– Какая разница? Разве чеченцы не кавказцы?

– У нас в Дагестане так не делают, – ледяным тоном сказал тот, что первым завел разговор. – Что вы здесь собрались? Где хозяин? Он обещал мне дом продать.

– Он его уже продал, – сказал от крыльца один из милиционеров в штатском. – Мне. А я тебе продавать не собираюсь. Можешь гулять дальше, как гулял.

– А мне плевать, – начал было незваный гость, но подполковник перебил его.

– Себе за шиворот наплюй. И разговаривать с тобой будем только после того, как выйдешь, постучишь и попросишь разрешения войти.

– Нарываешься? – Парень, кажется, даже обрадовался обострению ситуации. Он, судя по всему, сам стремился к этому.

– Ты уже нарвался, – спокойно сказала Тамара Васильевна и тут же нанесла маваше-гери.

Гость, в отличие от подполковника Кирпичникова, который утром легко блокировал этот удар, выставить защиту не сумел, и, когда торпедой вылетал за калитку, еще и ударился головой о металлическую трубу, на которую были приварены петли калитки. Нокаут был стопроцентный. Парень остался лежать без движения, и это произвело на остальных шоковый эффект. Но шок кончился быстро, когда подполковник Кирпичников и капитан Радимов, не договариваясь, кому какой противник достанется, автоматически выбрали каждый ближнего к себе и нанесли по удару. Причем даже удары оказались одинаковыми – оба били от пояса основанием ладони. Только Радимов заехал стоящему против него парню в лоб, обеспечив тяжелое сотрясение мозга, а подполковник ударил своего в грудь, в межреберье, которое легко ломается – благо, расстегнутая куртка дагестанца позволяла видеть, куда следует бить, и не смягчила удар. Он в дополнение ко всему добавляет к травме ребер ушиб сердца, и обычно долго еще «аукается» тому, кто его получит по всем правилам рукопашного боя.

Здесь правила были выдержаны безукоризненно. Причем удары наносились так, что противники падали не куда-нибудь, а за калитку. Двое последних вылетели одновременно, и перед тем, как придавить первого, еще и ударились друг о друга. За калиткой уже образовалась куча. Но тут же еще пятеро, наступая на своих поверженных друзей, ринулись во двор. Подполковник Кирпичников сделал шаг влево, чтобы не мешать их стремительному и целенаправленному движению, а капитан Радимов шагнул вправо и вперед, выглянул за едва держащуюся калитку и осторожно ее прикрыл. Выбить калитку с той стороны было не сложно. С этой ее выбить было невозможно, можно было только открыть, но для этого требовалось время.

Двое из кавказцев почти успели вытащить бесствольные травматические пистолеты «Оса». Но «почти» – еще не значит, что успели. Потому что на оружие первыми отреагировали Владимир Алексеевич с Тамарой Васильевной и нанесли по удару: Тамара Васильевна опять ногой, а подполковник Кирпичников локтем при встречном шаге, совмещая свой удар с движением противника навстречу. И тут же среагировали милиционеры в штатском. Только один из них был вооружен дубинкой в дополнение к пистолету и успел нанести кавказцу резкий удар в прыжке по темечку. Двое других выставили перед собой пистолеты, и одно это уже могло остановить любое сопротивление. Наручники защелкнулись быстро. В профессионализме милиционерам отказать было трудно.

Оставшийся без работы капитан Радимов за шиворот по одному притащил из-за калитки лежавших там без сознания бандитов. И только после этого из-за машины вышел подполковник Васильков.

– Я вызвал бригаду ОМОНа. Едут тремя автобусами. Но дороги сейчас забиты. Будем ждать. Вы не торопитесь?

– Торопимся, – недовольно сказал Владимир Алексеевич, вспомнив, что его ждут дома. Радимов тем временем вышел за калитку и быстро вернулся.

– Товарищ подполковник, у меня такое ощущение, что один за подмогой убежал. Я хруст снега слышал, но сразу не посмотрел. А потом уже ничего не увидел.

– Значит, подождем еще немного, – спокойно отреагировал Кирпичников. – наших заказчиков без нас задавят.

От задних дверей машины отошел майор Старогоров, не успевший вступить в рукопашную схватку, и показал два пистолета с «фонариками» вместо стволов. Один сразу протянул капитану Радимову, умеющему пользоваться световым пистолетом.

– Наш научный состав был вооружен. Пришлось попросить на время.

– Мне генерал показывал такой, но пользоваться не доводилось, – признался подполковник Кирпичников. – Говорят, вы в прошлой операции испытали?

– Радимов главного злодея такой штукой уложил, – объяснил Старогоров.

– По голове бил? – спросил подполковник Васильков. – Лучше уж сразу между ног. Одним пинком можно исход дела решить.

– Ноги у меня коротковаты, – признался капитан Радимов. – До него метров шесть было, и он уже автомат поднимал. А я без автомата был. Пришлось этой штукой обойтись.

– И сейчас обойдемся, – категорично заявил майор Старогоров. – Но лучше все-таки свет выключить, чтобы самим не светиться и под пули не подставляться. Мало ли, чем они вооружены.

– Меня другое беспокоит, – почесал подбородок подполковник Васильков. – А что, если там тревога поднимется?

– Где? – не поняла Тамара Васильевна.

– Там, на подпольном заводе.

– Разве завод под полом? И не завод, а разливочный или, скорее, разбавочный цех. И не под полом, а в доме. Давайте будем говорить конкретно.

– Не важно. Если там тревога поднимется? Вон тому руки свяжи. Зашевелился...

Последнее указание относилось к одному из милиционеров в штатском. Наручников на всех поверженных не хватило, поэтому из сарая принесли моток толстого тугого провода, пригодного для промышленной электропроводки. Завязать узлом такой провод было невозможно, и руки кавказцам по мере их возвращения в сознание связывали на скрутку. Это было, конечно, туго и больно, но другого подручного материала в доме не оказалось. А воспользоваться брючными ремнями парней, как обычно это делают в спецназе, милиционеры не додумались.

– Так что делать будем? – снова спросил Васильков, и в его голосе послышалась откровенная надежда. Только что на глазах подполковника трое испытателей, из которых одна была женщиной, нейтрализовали целую банду отморожков. Это давало подполковнику право надеяться и на дальнейшую помощь.

Впрочем, командир группы Департамента «Х», кажется, такого оптимизма не разделял.

– А вы предлагаете осуществить захват нашими силами? – с легким удивлением поинтересовался подполковник Кирпичников, и громко, даже слегка демонстративно, зевнул. – Это не входит в наши функциональные обязанности. Я вам предлагаю все же дождаться прибытия автобусов с ОМОНОм. Даже если на вашем заводе и поднимется тревога, это уже мало что изменит. Автобусы, как вы говорите, уже вышли. Демонтировать оборудование и даже спрятать куда-то китайских рабов ни времени, ни возможности уже нет. А вам следовало бы ОМОН выставлять поближе, чтобы ждали в готовности.

– Мы не предполагали, что вы сможете предоставить нам такую доказательную базу, – сознался Васильков. – Надеялись, но не на такую мощную помощь.

– Мне кажется, это ваши заботы, – Кирпичников проявил твердость.

– Бегут, – прислушиваясь, сказал капитан Радимов. – Сюда... Судя по шагам, человек десять. Тропа узкая. Пойдем, Станислав Юрьевич...

Капитан переглянулся с майором и оба посмотрели на Кирпичникова, ожидая разрешения. Тот кивнул, и офицеры включили свои световые пистолеты.

Хорошо, что свет выключили вовремя и со стороны не было видно, как капитан с майором вышли за калитку. Причем выключили не только «переноску», освещавшую двор, но и свет в самом доме. Но в других домах свет горел практически везде и освещал, хотя и неярко, узкую тропу, считавшуюся здесь, видимо, тротуаром. За зиму, естественно, его ни разу не чистили, а только утаптывали тропу. Но пройти по ней можно было от силы по два человека в ряд, да и то не везде.

Радимов со Старогоровым заняли позиции за деревьями и, оставаясь невидимыми, сами получили прекрасный обзор. Торопливо, иногда переходя на бег, в их сторону двигалась группа молодых кавказцев. Десять человек. Причем то ли обрезки труб, то ли арматура в руках давали основание думать, что огнестрельного оружия у нападающей стороны нет. Движение группы замедлилось метрах в десяти, когда шедшие первыми бандиты увидели фигуры стоящих за деревьями людей. Но статичность положения была только на руку офицерам, а прицел они взяли заранее. Да и прицеливаться нужно было только в лицо, поскольку зеленый луч лазера был достаточно широким. Он пролетел расстояние до группы быстрее, чем летит пуля, поскольку сверхсветовая скорость при стрельбе из автоматического оружия в природе еще не существует. И тут же раздался дикий вопль. Световой пистолет действовал безотказно и своим ослепляющим действием вызывал настолько сильный болевой шок, что полностью лишал пострадавшего координации движений на несколько минут. Первые жертвы упали лицом в сугробы, а луч уже метнулся в следующие лица. Капитан с майором успели нажать на кнопку «пуск», заменяющую спусковой крючок, только по три раза, когда остальные развернулись и побежали. Стрелять из светового пистолета в затылок бесполезно, поскольку луч не имеет ударной силы.

Через минуту Радимов со Старогоровым за шиворот затащили во двор и передали милиционерам первую пару пострадавших. Не успели те справиться со своей задачей, как к ним доставили следующих. Из последней пары один сумел даже встать и попытался убежать по тропе, закрывая лицо руками, но ноги слушались парня плохо. Костя Радимов быстро его догнал и поменял направление движения на прямо противоположное.

Когда последнюю пару доставили во двор, подполковник Васильков разговаривал по телефону. Автобусы с ОМОНОм сумели быстро пробиться через традиционные вечерние пробки и были на подходе. Необходимость участия оперативников Департамента «Х» в дальнейшей операции отпала, а посмотреть, чем закончится дело, они так и не захотели. Теперь уже никого страховать необходимости не было. Задержка была минутной и свелась к тому, чтобы перебросить на диск все записи, которые могли мы послужить доказательством нелегального розлива паленой водки.

Связанных дагестанцев решили передать омонцам только после того, как будет завершено оцепление. Это вызвало новую задержку с отъездом, поскольку подполковник Васильков попросил покараулить пленников, пока он со своими людьми будут участвовать в завершающей стадии операции.

Владимир Алексеевич нехотя согласился, приказал перевести пленников в дом, чтобы не маячили во дворе и не надоедали жалобами на то, что дышать невозможно из-за крови, залившей нос, руки из-за тугой проволоки затекли, а пальцы уже потеряли чувствительность. Или еще на что-то – причина всегда найдется. Кирпичников хорошо знал, что все эти горцы народ в бою храбрый, и дерутся хорошо, если силы как минимум один к трем, да и то только до того момента, когда их начинаешь бить. После этого их смелость уже ничего не стоит. А после битья они очень любят поплакать и пожаловаться. Надоедают нытьем. Ноги уже переставляли все, хотя самостоятельно двигаться не хотели, старательно демонстрируя собственную беспомощность. Несколько пинков быстро помогли ногам обрести устойчивость. Капитан Радимов с майором Старогоровым завели парней в сени и привязали руки одного к рукам другого, чтобы держались парами и жаловались уже только друг другу.

Авсеев с Осмоловым в действия оперативников не вмешивались, это было совершенно не их профилем, но со стороны посматривали с любопытством. Световые пистолеты ученым пока не вернули, но Станислав Юрьевич пообещал, что отдаст оружие, как только завершится их караульная служба, то есть когда пленников передадут с рук на руки омоновцам.

Владимир Алексеевич, как только подполковник Васильков услышал звук двигателя автобуса ОМОНа на улице, открыл калитку, вытащил телефон и отошел подальше в сторону, чтобы никто не слышал его разговор. Он позвонил брату в деревню, чтобы поинтересоваться у того новостями.

– Что, добрались до тебя следователи? – спросил Виктор Алексеевич. – Это я натравил. И номер телефона дал, и адрес. Что, думаю, я один отдуваться буду, пусть и тебя потянут...

– Еще нет, товарищ полковник, – не без ехидства отрапортовал Владимир Алексеевич, – до меня твои следователи не добрались. Сидит один у меня дома, но я пока вырваться не могу. Как только обстановка позволит, отправлюсь на допрос.

– И как новая служба?

– Служится...

– Доволен?

– Всем, кроме твоего поведения. Ты что, сам позвонить не мог?

– У нас тут связи не было. Не только у моей трубки, вообще не было. Что-то на ретрансляторе ветром сорвало. Даже за милицией после убийства батюшки ездили на машине. Я, кстати, и ездил. Из райцентра позвонить было, конечно, можно, но я, каюсь, не сообразил. Да и торопился. Милиционеров назад повез почти сразу.

– Так что произошло?

– Я надеялся, что ты мне расскажешь... Ты вместе с отцом Викентием ушел из его дома, а потом его нашли рабочие с пулей в голове. Во дворе храма на полдороге к вагончику рабочих. Умер сразу. Выстрела никто не слышал. Видимо, стреляли из пистолета с глушителем. Рабочие ко мне прибежали. Я сразу тебе звонить стал; думал, ты только-только отъехал. А связи нет... Побежал к матушке, она в храм, ключи мне от машины дала, я за милицией поехал.

– Он, кстати, пошел с рабочими ругаться.

– Да, матушка говорила. Рабочих пока не выпускают из райотдела. Ты, думаю, тоже под подозрением.

– Спасибо, утешил... Мне сейчас только таких проблем и не хватало. Хорошо еще у меня свидетель есть. Наш генерал за мной приехал и видел, как я с батюшкой прощался. Отец Викентий благословлял меня на новую службу. Надеюсь, нашего генерала подозревать в пособничестве не будут?

– Это ты у следаков спрашивай. Будут новости, звони.

– Ладно, бывай, полковник...

Владимир Алексеевич вздохнул и убрал трубку в чехол. Пленных к этому времени уже перевели в дом, и Старогоров остался присмотреть за ними, а заодно и чайку вскипятить. Благо, подчиненные Василькова свой чайник еще не успели забрать...

Глава третья

Но убрать трубку подполковник Кирпичников поспешил напрасно. Не успел он сесть в машину, как раздался сигнал вызова. Посмотрев на определитель, Владимир Алексеевич увидел знакомый номер, но, находясь еще под впечатлением от разговора с братом, сразу не смог сообразить, кто это звонит. Однако ответил привычно, не как отвечал совсем недавно в деревне:

– Подполковник Кирпичников. Слушаю...

– Вечер добрый, Владимир Алексеевич. Апраксин... Как у вас дела?

– Отработали, товарищ генерал, по полной программе, и даже на двести процентов.

– Такое тоже бывает? Я думал, только в ресторанах в один стакан вмещается четыреста граммов водки.

– Просто мы вынуждены были вмешаться в продолжение истории. Здесь в районе живет много выходцев с Кавказа. Чем-то им не понравилось наше присутствие во дворе. Выбили калитку. Нам пришлось продемонстрировать выучку спецназа... Сейчас караулим восемнадцать пострадавших. Ждем, когда милиция закончит операцию и заберет от нас этих парней. После этого сразу на базу.

– Ладно. Как вернешься, сразу напиши рапорт.

– Если можно, товарищ генерал, я завтра утром напишу. Вас все равно сегодня уже не будет. А утром я пораньше подойду и напишу.

– Домой спешишь?

– Меня там следователь из деревни ждет. Вернее, из райцентра. Когда вы меня забирали оттуда, я со священником попрощался. А через несколько минут его застрелили. Кстати, я могу сослаться на то, что вы видели, как мы мирно попрощались?

– Это без разговоров. Я сам подтвердил. Мне уже звонили, хотя ничего объяснять не стали. Просто спросили, при каких обстоятельствах я тебя из деревни забирал, с кем я тебя там видел. На меня вышли по номеру машины. Меня машина «ДПС» на подъезде к деревне оставила, записали номер. Поэтому так оперативно и сработали. Правда, «дэпээсники» не знали моего звания, но расстались мы мирно, и даже взятку не вымогали. В провинции милиция скромнее московской. Позвонили часа три назад. В следственном комитете уже знали, с кем имеют дело. Об убийстве тоже сообщили. А что случилось? За что батюшку?..

– Ничего не знаю.

– Брату звонил?

– Он тоже не знает, от меня сведений ждет. Сам в растерянности.

– Ладно. Говори со своим следователем. Это мне тоже завтра расскажешь. Устно. Рапорт тоже напишешь утром. Пусть машина тебя сразу и отвезет. И следователя сильно не бей.

– Понял, товарищ генерал.

– Еще новость. Утром представлю оперативной группе вашего нового сотрудника. Не удивляйся имени. Его зовут Гималай Кузьмич, хотя на гималайского медведя он похож мало.

– Его профиль?

– Грубо говоря, «старшина роты». Все ваше обеспечение будет на нем. Человек основательный и надежный, как горы. Сейчас Гималай Кузьмич Слепаков – человек сугубо гражданский, но боевая подготовка у него тоже есть. В Афгане воевал, бывший прапорщик ВДВ. Служил настоящим старшиной роты в разведроте. Имеет награды. Обузой не будет.

– Понял, товарищ генерал. «Старшина роты» нам тоже нужен.

Кирпичников убрал трубку. К машине шла майор Ставрова. Владимир Алексеевич открыл дверцу и вопросительно поднял брови.

– Товарищ подполковник, может быть, следует запустить «ведро», чтобы посмотреть, как там дела обстоят?

– А смысл? – из глубины салона микроавтобуса возразил Владимир Иванович Авсеев. – Если бы мы сразу договорились о взаимных действиях и обеспечили бы обе стороны связью, тогда можно было бы и координацию проводить.

– Владимир Иванович прав, – согласился Кирпичников. – Я даже не знаю номер трубки Василькова. Но на будущее нам урок. При подготовке своей операции этот вариант следует всегда предусматривать. Мы ее будем разрабатывать не так. Здесь мы, по сути дела, в ее подготовке вообще не участвовали, и Васильков спланировать ее тоже не мог, поскольку не знал возможностей «вентилятора». Теперь мы хоть что-то знаем, и потому у нас будет на что опереться. Тамаре Васильевне, кстати, необходимо полностью изучить тактико-технические данные аппарата, чтобы не получилось так, как получилось сегодня. Чтобы каждый шаг, даже в положительную сторону, не оказался очередной неожиданностью. А ведь шаг может быть и, отрицательную сторону...

– Значит, мне нужно вплотную заняться аппаратом? – спросила майор Ставрова.

– Очень вплотную, – подтвердил подполковник. – И Радимова нужно привлечь. Это все я отмечу в завтрашнем рапорте генералу.

– А он что говорил? – поинтересовался Авсеев.

– Утром напишу ему рапорт, потом будем все вместе проводить «разбор полетов» – в прямом и переносном смысле. Только тогда он сможет сказать что-то определенное. Утром же представит нам нового члена группы, которого зовут Гималай Кузьмич. Это старшина нашей с вами роты. Возьмет на себя все вопросы обеспечения.

– Странное имя, – сказала Тамара Васильевна. – Хотя чему удивляться... Даже я знаю троих парней, которых зовут Казбеками. Если зовут Казбеками, почему не звать Гималаем?

– Странное, – согласился Кирпичников. – Но удивляться будем только завтра. А пока...

– А пока будем пить чай. Забирайте быстрее, горячий, мне пальцы обжигает... – Майор Старогоров через заднюю дверцу подал Авсееву и Осмолу по стакану.

Кирпичников незаметно улыбнулся, легко просчитав ситуацию. Старогорову было ближе принести эти два стакана командиру и Тамаре Васильевне, но он, скорее всего, не случайно отдал их сначала ученым. Майор показывал всем, что он не подхалим и перед своим непосредственным начальством не заискивает, не стремится угодить хотя бы в мелочах и что он человек самостоятельный и самодостаточный. Значит, обида на то, что командиром группы стал не он, все же в нем осталась. Но независимые люди, не желающие угождать начальству в мелочах, как правило, бывают надежны в серьезных делах. Кирпичников с такими характерами сталкивался не раз и считал, что они со Старогоровым сработаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.